

**ДЖЕК
ЛОНДОН**

ДОЧЬ СНЕГОВ

Джек Лондон

Дочь снегов

«Public Domain»

1902

Лондон Д.

Дочь снегов / Д. Лондон — «Public Domain», 1902

В романе «Дочь снегов» центральное место занимает волевая и свободная от всяческих условностей Фрона Уэлз. «Золотая лихорадка» Клондайка, в центре которой оказывается девушка, описана ярко, выразительно и увлекательно.

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Глава III	18
Глава IV	24
Глава V	29
Глава VI	32
Глава VII	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джек Лондон

Дочь снегов

Глава I

– Все готово, мисс Уэлз. Но, к сожалению, у меня нет возможности дать вам пароходную шлюпку.

Фрона Уэлз поспешно встала и подошла к старшему офицеру.

– Мы очень заняты, – пояснил он, – а золотоискатели – чрезвычайно ненадежный груз, по крайней мере...

– Я понимаю, – прервала она, – что веду себя назойливо. Мне очень неловко доставлять вам столько хлопот, но... но... – Она быстро повернулась и указала на берег: – Видите тот большой бревенчатый дом? Вон между соснами и рекой? Я родилась в этом доме.

– В таком случае я, пожалуй, и сам бы очень торопился, – сочувственно пробормотал офицер, проводя ее через толпу, теснившуюся на палубе.

Все мешали друг другу, и притом не было ни одного человека, который не объявил бы об этом во всеуслышание. Тысячи золотоискателей требовали немедленной выгрузки на берег своей поклажи. Из глубины зияющих люков пронзительно свистящие паровые подъемные краны непрерывно выхватывали груз и сбрасывали на большие плоскодонные лодки, со всех сторон окружавшие пароход. На каждой из этих лодок толпа вспотевших людей судорожно хваталась за свешивающиеся стропы и разбрасывала кругом тюки и ящики в лихорадочных поисках своего добра. Иные, перегнувшись через поручни палубы, крича, размахивали багажными квитанциями. Иногда два или три человека сразу предъявляли права на один и тот же предмет, и тогда поднимался отчаянный спор. Вещи с клеймом «два круга» и «круг и точка» вызывали бесконечные пререкания, а на каждую ручную пилу находилась дюжина претендентов.

– Ревизор говорит, что он сойдет с ума, – сказал старший офицер, помогая Фроне Уэлз спуститься к трапу, – портовые чиновники вернули груз пассажирам и бросили работу. Но все-таки нам повезло больше, чем «Вифлеемской Звезде», – заверил он Фрону, указывая на пароход, бросивший якорь в четверти мили от них. – У половины его пассажиров есть вьючные лошади, чтобы добраться до Скагуэя и Белого Ущелья, а остальные направляются через Чилкут. Портовые чиновники подняли бунт, и теперь там абсолютное бездействие.

– Эй, вы! – закричал он, подавая знак белому баркасу «Уайтхолл», который скромно качался на волнах за линией скучившихся лодок.

Пытаясь проскочить, крошечный баркас храбро поплыл к огромной барже. Но лодочник неудачно бросил бечеву и попал в ворот. Баркас повернулся на месте и остановился.

– Берегись! – крикнул старший офицер.

Два семидесятифутовых каноев, переполненные людьми и грузом, отчалили от кормы и понеслись на всех парусах. Одно из них сразу же направилось к пристани, а другое притиснуло баркас к барже. Лодочник успел вовремя поднять весла, но его маленькое суденышко затрещало и, казалось, вот-вот будет раздавлено. Вскочив на ноги, он в коротких, но сильных выражениях послал проклятие всем находившимся в каное и на барже. Какой-то человек свесился через борт баржи и ответил ему не менее красноречиво, между тем как находящиеся в каное белые и индейцы залились насмешливым хохотом.

– Эй ты, маргаритка¹! – закричал один из них. – Отчего ты не научился грести?

¹ Насмешливое прозвище ирландцев.

Кулак лодочника попал насмешнику прямо в подбородок и, оглушив, отбросил его на кучу сваленных товаров. Не довольствуясь столь кратким ответом, лодочник собрался было действовать и дальше. Однако ближайший к нему старатель схватился за револьвер, который, к счастью, застрял в новой кожаной кобуре. Его товарищи-золотоискатели, смеясь, ожидали исхода стычки. Но каное двинулось вперед, и индеец-рулевой, ударив лодочника концом своего весла в грудь, опрокинул его на дно баркаса.

Когда разразившаяся буря проклятий и богохульств, казалось, неминуемо приведет к жестокой драке или даже к убийству, старший офицер украдкой взглянул на девушку, стоявшую с ним рядом. Он ожидал увидеть на ее лице испуг и смятение и совсем не был подготовлен к тому, что представилось его глазам. Девушка была, по-видимому, возбуждена и глубоко заинтересована.

– Прошу прощения, – начал он.

Но она прервала его, как будто недовольная его вмешательством:

– Нет, нет. Не за что. Мне очень весело. Все же я довольна, что револьвер этого человека застрял в кобуре. Если бы этого не произошло...

– Наша высадка задержалась бы. – Старший офицер засмеялся, обнаруживая свою тактичность.

– Этот человек – просто грабитель, – продолжал он, указывая на лодочника, направлявшегося в это время к ним. – Он взял двадцать долларов за то, чтобы доставить вас на берег. И сказал при этом, что, будь вы мужчиной, он взял бы двадцать пять. Он – пират, поверьте мне, и когда-нибудь ему не миновать виселицы. Двадцать долларов за получасовую работу! Подумайте только!

– Эй, вы! Полегче на поворотах! – угрожающе крикнул тот, о ком шла речь, неуклюже причаливая и опуская в воду одно весло. – По какому праву вы ругаетесь? – добавил он вызывающе, выжимая мокрый рукав своей рубашки.

– У вас недурной слух... – начал старший офицер.

– И крепкий кулак, – перебил тот.

– И язык у вас тоже хорошо подвешен.

– В моем деле без этого не обойдешься. С вами, акулами, иначе пропадешь. Так это я, стало быть, пират? Кто же тогда вы с вашей гурьбой пассажиров, стиснутых, как селедки в бочке? Берете с них двойную цену первого класса, кормите той же пищей, что и палубных пассажиров, и сваливаете их в кучу хуже, чем свиней! Это я-то пират?!

Какой-то краснолицый человек, свесив голову через перила верхней палубы, дико завопил:

– Я требую, чтобы мой багаж был доставлен на берег! Поднимитесь сюда, мистер Терстон! Сейчас же! Немедленно! Пятьдесят моих пони перегрызут друг другу горло в этой вашей грязной конуре, и вам плохо придется, если вы моментально не переправите их на берег! Каждый день задержки обходится мне в тысячу долларов, и я не хочу больше терпеть это! Слышите? Не хочу! С тех пор, как мы вышли из Сиэтла, вы ободрали меня как липку. Клянусь адом, с меня довольно. Не будь я Тэд Фергюсон, если я не разнесу эту пароходную компанию! Слышите, что я говорю? Я – Тэд Фергюсон, и вам не поздоровится, если вы немедленно не явитесь сюда! Слышите?

– Это я-то пират? – продолжал бормотать лодочник. – Кто пират? Я?

Мистер Терстон успокаивающе помахал рукой краснолицему человеку и обернулся к девушке:

– Мне бы очень хотелось самому доставить вас на берег и проводить до склада, но вы сами видите, сколько у нас хлопот. До свидания, счастливого пути. Я отряжу сейчас двух человек, чтобы отвезти ваш багаж. Вы получите его на складе завтра рано утром.

Фрона легко оперлась на его руку и спустилась в лодку. Под тяжестью ее тела утлое суденышко неожиданно накренилось и зачерпнуло воды, которая доверху залила ее ботинки; но она отнеслась к этому довольно спокойно и, усевшись на корме, подобрала под себя ноги.

– Подождите! – крикнул офицер. – Так не годится, мисс Уэлз. Вернитесь обратно, и я постараюсь раздобыть для вас одну из наших шлюпок.

– Сперва я увижу вас на небесах, – возразил лодочник, отчаливая. – Пустите! – крикнул он угрожающе.

Мистер Терстон крепко ухватился за руль и в награду за свое рыцарство получил сильный удар веслом по пальцам. Забыв все правила приличия, а заодно и мисс Уэлз, он злобно выругался.

– По-моему, мы могли бы проститься иначе! – крикнула Фрона и звонко расхохоталась.

– О господи! – пробормотал он, вежливо снимая фуражку. – Вот это женщина! – И совершенно неожиданно его охватило неодолимое желание всегда смотреть в серые глаза Фроны Уэлз. Он не был способен к анализу и не понимал причины своего желания, но он знал, что мог бы пойти за ней на край света. Он почувствовал отвращение к своей профессии, и искушение бросить все и отправиться вслед за ней в Клондайк охватило его. Взглянув на борт парохода и увидев красную физиономию Тэда Фергюсона, он забыл о своей мимолетной мечте.

«Фюйть!» – брызги воды от весла лодочника, с усилием рассекавшего волны, попали на лицо Фроны.

– Надеюсь, вы не сердитесь, мисс, – извинился он, – я стараюсь изо всех сил, а это очень немного.

– Похоже, что так, – ответила она добродушно.

– Не могу сказать, чтобы я любил море, – огорченно заметил он, – но мне нужно каким-то честным путем сколотить немного денег, и мне кажется, что я выбрал наилучший способ. Я бы уже давно был в Клондайке, если бы мне хоть капельку везло. Я вам скажу, в чем тут дело. На полпути, у Пустого Рукава, я потерял свое снаряжение, когда уже было перетащил его через Ущелье...

«Фюйть! Фюйть!» – Фрона вытерла лицо, дрожа от холодной струи, катившейся по ее спине.

– Вы молодчина, – подбодрил он ее, – вполне подходите для жизни здесь. Направляйтесь дальше?

Она весело кивнула.

– Ну что ж? Вам можно. Так вот, когда я потерял свое снаряжение, мне пришлось вернуться на берег – надо было торопиться приобрести новое. Потому-то я и запрашиваю так много. Надеюсь, что вас это не огорчит. Уверяю вас, мисс, я не хуже других. Мне пришлось отдать сотню за эту старую лохань, которой в Штатах красная цена десять долларов. Тут на все такие цены. Дальше, к Скагуэю, гвозди для подков стоят четверть доллара за штуку. Идешь в бар, заказываешь себе виски – тоже полдоллара. Ничего не сделаешь. Пьешь свое виски, бросаешь на стойку пару гвоздей для подков – все в порядке. Никто не возражает. Гвозди для подков заменяют там разменную монету.

– Вы смелый человек, если после такого урока снова решается отправиться в путь. Как вас зовут? Мы можем встретиться в Клондайке.

– Кого? Меня? О, мое имя – Дэл Бишоп, я – старатель! И если мы когда-нибудь встретимся, помните, что я поделюсь с вами последней рубашкой, то есть я хочу сказать, что отдам вам мой последний кусок хлеба.

– Благодарю вас, – ответила она, ласково улыбаясь. Эта девушка ценила все, что шло от чистого сердца.

Перестав грести, он нашел на дне лодки старый роговой черпак.

– Не мешало бы вам немного вычерпать воду, – заметил он, перебрасывая ей черпак. – Лодка стала течь еще больше после того, как ее так сдавили.

Улыбнувшись про себя, Фрона подоткнула юбки и принялась за работу. Каждый раз, как лодка ныряла в воду, на горизонте, подобно огромным волнам, поднимались и опускались покрытые ледниками горы. Время от времени давая отдых своей спине, она смотрела на кишащий людьми берег, к которому они приближались, и на врезающийся в землю морской канал, где стояло на якоре около двадцати больших пароходов. Между ними и берегом беспрестанно сновали большие плоскодонные лодки, баркасы, каноэ и еще множество других более мелких суденышек. Человек – неустанный труженик, вечный борец с враждебной средой, думала Фрона, вспоминая учителей, к чьей мудрости она приобщилась на лекциях и в часы ночных занятий. Она была дитя своего века и отлично понимала, что такое материальный мир и его проявления. И она любила этот мир и глубоко почитала его.

Некоторое время их молчание нарушалось только плеском воды под веслами Дэла Бишопа; вдруг он что-то вспомнил.

– Вы не сказали мне вашего имени, – заметил он со снисходительной деликатностью.

– Мое имя – Уэлз! – ответила она. – Фрона Уэлз.

Его лицо отразило глубочайшее благоговение.

– Вы Фрона Уэлз? – медленно произнес он. – Ваш отец Джекоб Уэлз?

– Да, я дочь Джекоба Уэлза, к вашим услугам.

Он понимающе свистнул и перестал грести.

– Ну, тогда отправляйтесь обратно на корму и подберите ноги, а то они у вас совсем промокнут, – распорядился он. – И бросьте мне этот черпак.

– Разве я недостаточно хорошо черпаю воду? – возмущенно спросила она.

– Что вы! Вы работаете превосходно! Но, но вы... вы...

– Я ничуть не изменилась с того момента, как вы узнали, кто я. Продолжайте грести, это – ваше дело. А я позабочусь о своем.

– Нет, вы определенно молодчина! – восхищенно пробормотал Бишоп и снова налег на весла. – Так Джекоб Уэлз – ваш отец? Мне бы следовало об этом догадаться.

Как только они причалили к песчаной отмели, где лежали кипы самых разнообразных товаров и было полно людей, Фрона задержалась, чтобы пожать руку своему перевозчику. И хотя рукопожатие женщины, нанявшей лодочника на работу, было необычным явлением, все же этот поступок соответствовал тому факту, что она дочь Джекоба Уэлза.

– Помните, что мой последний кусок хлеба принадлежит вам, – снова сказал он, не выпуская ее руки из своей.

– И ваша последняя рубашка тоже! Не забудьте этого!

– Однако вы молодец! – вырвалось у него с последним пожатием руки. – Будьте уверены!

Ее короткая юбка не стесняла движений, и она с неожиданным удовольствием заметила, что мелкие шажки, столь обычные для городских улиц, уже сменились у нее широким, размашистым шагом ходака на дальние расстояния, шагом человека, привыкшего к труду и лишениям. Не один золотоискатель, окинув взглядом ее щиколотки и икры в серых гетрах, мысленно подтвердил мнение Дэла Бишопа. Взглянув же на ее лицо, многие взглядывали еще и еще раз; это было лицо прямодушного человека и доброго товарища; глаза ее чуть-чуть светились улыбкой, всегда готовой вспыхнуть, если ей навстречу улыбнутся другие глаза. И улыбка эта в зависимости от чувств, ее вызвавших, была то веселой, то грустной, то насмешливой. А иногда свет этой улыбки озарял все ее лицо, придавая ему выражение искренней заинтересованности и дружелюбия.

У Фроны было много причин улыбаться, пока она, пересекая песчаную отмель, пробираясь сквозь толпу по направлению к бревенчатому зданию, о котором говорила мистеру Терстону. Казалось, время отступило здесь назад и транспорт вернулся в первобытное состояние.

Люди, которые никогда в жизни не носили ничего, кроме маленьких свертков, превратились в носильщиков тяжестей. Никто из них не шел выпрямившись, с поднятой головой, – все двигались, согнувшись в три погибели. Спины этих людей превратились во вьючные седла, и на них уже начинали появляться ссадины от ремней. Одни спотыкались под непривычным грузом, ноги их скользили, как у пьяных, и разъезжались во все стороны, пока у несчастных не темнело в глазах и они вместе с грузом не сваливались на краю дороги. Другие с плохо скрываемой радостью грузили свое добро на двухколесные тележки и весело тащили их, но застревали на первом же повороте, где дорогу загромождали огромные круглые валуны. Тогда они начинали постигать законы путешествий по Аляске: бросали тележку или катили ее обратно на берег и продавали там за баснословную цену последнему сошедшему на берег приезжему. Новички, обвешанные кольцами, патронами и охотничьими ножами (все вместе не менее десяти фунтов веса), бодро шагали вперед по дороге, а потом медленно тащились обратно, с отчаянием бросая всю эту амуницию. Так, задыхаясь и обливаясь потом, искупали сыны Адама грех своего праотца.

Фрона чувствовала какое-то неясное беспокойство среди этого бурного потока людей, обезумевших от жадности золота, и даже хорошо знакомая ей местность, где каждый шаг был связан для нее с воспоминаниями, показалась ей чуждой из-за этих мечущихся, взбудораженных чужеземцев. Даже старые межевые столбы выглядели совсем незнакомыми. Все было как прежде, и все было иным. Здесь, на этом зеленом берегу, где она играла ребенком, где эхо ее голоса, перекатывавшееся от глетчера к глетчеру, пугало ее, тысячи людей безостановочно шныряли взад и вперед, вытаптывая нежную траву и нарушая безмолвие скал. А там дальше, на дороге, были еще тысячи таких же, как они, и дальше за Чилкутом – еще тысячи. Вдоль всего побережья Аляски и до самого мыса Горн еще десятки тысяч властителей ветра и пара спешили сюда со всех концов земли. Дая по-прежнему с шумом и грохотом катила в море свои воды; но ее древние берега были исхожены бесчисленным множеством ног, и люди, непрерывно шедшие друг за другом, тянули мокрую бечеву, а перегруженные лодки медленно плыли за ними вверх по реке. Воля людей боролась с волей реки, и люди смеялись над старой Дайей, все глубже вытаптывая на ее берегах дорогу для тех, кто придет вслед за ними.

Дверь склада, некогда так хорошо знакомая Фроне, с порога которой она прежде со страхом наблюдала за необычным для нее зрелищем – заблудившимся охотником или торговцем мехами, – теперь была осаждена галдящей толпой. Где письмо «до востребования» было когда-то предметом удивления, там, заглянув в окошко, она увидела груды наваленных до потолка писем. Их-то и требовала с криками и воплями толпа. Перед складом, у весов, стояло множество людей. Индеец-носильщик бросал тюк на весы, владелец-белый что-то отмечал у себя в записной книжке, и наступала очередь следующего. Каждый тюк был обвязан ремнями и ждал носильщика для тяжелого перехода через Чилкут. Фрона пробралась вперед. Ее интересовал груз. Она вспомнила те дни, когда каждый тюк обходил старателю или торговцу в шесть центов, то есть сто двадцать долларов за тонну.

Какой-то новичок, взвешивавший свою кладь, справился в своем путеводителе. «Восемь центов», – сказал он, обращаясь к индейцам. Индейцы презрительно расхохотались и хором ответили: «Сорок центов!» Лицо новичка вытянулось, и он с беспокойством посмотрел вокруг. Уловив сочувствие в глазах Фроны, он, казалось, смущенно уставился на нее. В действительности он вычислял, во что обойдется кладь в три тонны при оплате по сорок долларов за сто фунтов.

– Две тысячи четыреста долларов за тридцать миль! – воскликнул он. – Что мне делать?

Фрона пожала плечами.

– Лучше платите по сорок центов, – посоветовала она, – а то они сейчас снимут ремни.

Человек поблагодарил ее, но вместо того, чтобы послушаться совета, продолжал торговаться. Один из индейцев вышел вперед и начал снимать ремни. Новичок заколебался, и в

тот момент, когда он уже готов был уступить, носильщики подняли цену до сорока пяти центов. Слабо улыбнувшись, он кивнул головой в знак согласия. В это время к ним подошел еще один индеец и стал что-то взволнованно шептать. Раздался радостный возглас, и, раньше чем новичок успел сообразить, в чем дело, индейцы отвязали свои ремни и ушли, распространяя радостную весть, что цена за доставку груза на озеро Линдерман стала пятьдесят центов.

Толпа, стоявшая у склада, вдруг заволновалась. Люди возбужденно перешептывались, глаза всех обратились на трех человек, приближавшихся к складу. Все трое ничем не отличались от прочих золотоискателей. Они были плохо одеты, даже обтрепаны. Где-нибудь в другом месте они немедленно были бы задержаны полицейским и арестованы за бродяжничество.

– Француз Луи, – стало передаваться из уст в уста. – Имеет три заявки на Эльдorado, – сообщил Фроне ее ближайший сосед. – Они стоят по крайней мере десять миллионов.

Вид француза Луи, шагавшего несколько впереди своих товарищей, совершенно не соответствовал этим словам. Где-то в дороге он потерял свою шапку и небрежно обвязал голову потертым шелковым платком. Несмотря на свои десять миллионов, он сам нес на широких плечах свой багаж.

– А тот с бородой – Билл Свифтуотер, тоже король Эльдorado.

– Откуда вы это знаете? – недоверчиво спросила Фрона.

– Откуда я знаю?! – воскликнул ее собеседник. – Да его портрет был помещен во всех газетах, вышедших за последние шесть недель. Смотрите! – Он развернул газету. – Очень похожий портрет. Я так часто смотрел на него, что узнаю его рожу из тысячи.

– А третий кто? – спросила она, безмолвно подчиняясь его авторитету.

Ее собеседник поднялся на цыпочки, чтобы лучше видеть.

– Не знаю, – сознался он грустно и хлопнул по плечу своего соседа. – Кто этот худощавый, бритый, в синей рубашке и с заплатой на колене?

В то же мгновение Фрона радостно вскрикнула и бросилась вперед.

– Мэт! – позвала она. – Мэт Маккарти!

Человек с заплатой сердечно пожал ей руку, хотя не узнал ее, и посмотрел на нее недоверчиво.

– О, вы не узнаете меня! – растерялась она. – Нет, нет, не смейте говорить, что узнали. Если бы здесь не было столько зрителей, я обняла бы вас, старый медведь!

И вот Большой Медведь пошел домой к Маленьким Медвежатам, – размеренно начала она. – И Маленькие Медвежата были очень голодны! И Большой Медведь сказал: «Угадайте, что я вам принес, детки?» И один Маленький Медвежонок сказал, что это ягоды, а другой сказал, что это лосось, а третий сказал, что это дикобраз. Тогда Большой Медведь рассмеялся: «Уф! Уф! – и сказал: – Нет, это замечательный, большой, жирный человек!»

По мере того как он слушал, его взгляд прояснялся. А когда Фрона кончила, лицо его сморщилось, и он засмеялся каким-то особенным тихим смехом.

– Я вас определенно знаю, – сказал он, – но никак не могу вспомнить, кто вы такая.

Она указала на склад и робко посмотрела на него.

– Вспомнил! – Отступив на шаг, он осмотрел ее с головы до ног, и неожиданно на лице его отразилось разочарование. – Не может быть! Я ошибся. Вы никогда не могли бы жить в этой лачуге. – И он ткнул пальцем в направлении склада.

Фрона энергично закивала головой.

– Так это все-таки вы? Маленькая сиротка с золотыми волосами, которые я так часто расчесывал? Маленькая чародейка, бегавшая босиком по этим самым камням?

– Да, да! – радостно подтвердила она.

– Маленький дьяволенок, стащивший упряжку и отправившийся в самый разгар зимы через Ущелье, чтобы посмотреть, где конец света. И всему виной были волшебные сказки старого Мэта Маккарти!

– О, Мэт, милый старый Мэт! Помните, как я отправилась плавать с сивашскими девочками из индейского лагеря?

– Я вытащил вас за волосы из воды?

– И потерял новенький болотный сапог!

– Ну, конечно, помню. Это был возмутительный, бесстыдный поступок! А сапоги стоили десять долларов в лавке вашего же отца!

– А потом вы отправились через Ущелье в глубь страны, и мы больше ничего о вас не слышали. Все думали, что вы умерли.

– Да, я помню этот день. И вы плакали на моих руках и не хотели поцеловать на прощание вашего старого Мэта. Но в конце концов вы все-таки поцеловали, – торжествующе добавил он. – Когда вы поняли, что я действительно ухожу. Какая вы были тогда крошка!

– Мне было только восемь лет.

– Двенадцать лет прошло. Двенадцать лет я провел в глубине страны, ни разу оттуда не выбравшись. Вам теперь должно быть двадцать лет?

– И я почти с вас ростом, – прибавила Фрона.

– Славная из вас получилась женщина – высокая, стройная... – Он критически осмотрел ее. – Не мешало бы вам только быть немного полнее, по-моему.

– Ни в коем случае, – запротестовала она. – Не в двадцать лет, Мэт! Пощупайте мою руку, и вы увидите... – Она согнула руку и показала ему, как вздулся ее бицепс.

– Мускулы ничего себе, – с довольным видом согласился, он, осмотрев. – Можно подумать, что вы зарабатывали себе кусок хлеба тяжелым трудом.

– О, я умею метать копьё, боксировать и фехтовать! – воскликнула она, встав в соответствующую позицию. – И плавать, и нырять, и прыгать через веревку двадцать раз подряд, и ходить на руках. Вот!

– Это то, чему вас научили? А я-то думал, что вы уехали заниматься науками, – сухо заметил он.

– Теперь существуют новые методы обучения, Мэт. И вас уже не отправляют домой, когда вы нахватаетесь одних лишь знаний...

– И с такими слабыми ногами, что они не в состоянии поддержать вашу голову! Ладно, прощаю вам ваши мускулы.

– А как ваши дела, Мэт? – спросила Фрона. – Что вам дали эти двенадцать лет?

– Посмотрите на меня. – Он широко расставил ноги, закинул голову и выпятил грудь. – Перед вами стоит мистер Мэт Маккарти, один из королей благородной династии Эльдорадо. И всем этим он обязан своим собственным рукам. Мои богатства неисчислимы. У меня добывается в одну минуту больше золотого песка, чем я видел за всю свою жизнь прежде. Теперь я еду в Штаты, чтобы поискать своих наследников. Я твердо верю, что у меня таковые имеются. В Клондайке можно найти любое количества самородков, но хорошего виски вы тут не найдете. И я решил во что бы то ни стало выпить хоть раз настоящего виски до того, как я умру. А потом я вернусь в Клондайк, чтобы управлять своими владениями. Честное слово, я – один из королей Эльдорадо; и если вам когда-нибудь понадобится что-нибудь этакое, то я дам вам взаймы.

– Все тот же старый Мэт! Никакой перемены! – рассмеялась Фрона.

– А вы все та же настоящая Уэлз, хотя у вас мускулы призового борца и мозги философа. Ну, давайте догоним Луи и Свифтуотера. Говорят, Энди все еще заведует складом. Посмотрим, не забыл ли он меня.

– И меня тоже. – Фрона схватила его за руку. У нее была дурная привычка хватать за руку тех, кто ей нравился. – Уже десять лет прошло с тех пор, как я уехала.

Ирландец прокладывал себе дорогу сквозь толпу, точно машина для забивки свай, и Фрона легко пробиралась вслед за ним. Новички почтительно наблюдали за этими божествами Севера. В толпе снова поднялся гул.

– Кто эта девушка? – спросил кто-то.

И Фрона, переступая порог склада, услышала первую часть фразы:

– Это дочь Джекоба Уэлза. Ничего не знаете о Джекобе Уэлзе? Где же вы были все эти годы?..

Глава II

Она вышла из березовой рощи, сверкающей своей белизной, и с первыми лучами солнца, позолотившими ее распущенные волосы, легко побежала по покрытому росой лугу. Земля, жирная от избытка влаги, казалась ей мягким ковром, а росистые травы били ее по коленям, рассыпая вокруг сверкающие брызги, похожие на жидкие бриллианты. На щеках ее играл утренний румянец, глаза сияли молодостью и любовью. Рано оставшись без матери, она выросла на лоне природы и любила страстную любовь старые деревья и ползучие зеленые растения. Глухой ропот пробуждающейся жизни радовал ее слух, и влажные запахи земли были для нее сладостны и желанны.

В конце луга, где начиналась темная роща, среди одуванчиков с голыми стеблями и ярких лютиков она нашла пучок крупных аляскинских фиалок. Бросившись на землю, она зарылась лицом в пахучие прохладные цветы и руками прижала пурпурные венчики к своей голове. Ей не было стыдно. Она долго блуждала среди трудностей, грязи и лихорадочных страстей большого мира, а вернувшись обратно, осталась все такой же простой, чистой и здоровой. И она была рада этому, лежа здесь и вспоминая те дни, когда весь мир для нее ограничивался линией горизонта и когда, перебравшись через Ущелье, она надеялась увидеть «край света».

Простая жизнь, окружавшая Фрону в детстве, зиждилась на немногих, но весьма суровых обычаях. Они заключались в словах, которые она где-то вычитала позже: «вера в пищу и кров». То была вера ее отца, думала она, вспоминая, с каким уважением произносилось его имя окружающими. Этой верой она прониклась, эту веру она унесла с собой в мир по ту сторону «края света», где люди отделились от старых истин и создали себе эгоистические догмы, призвав на помощь казуистику. С этой верой она возвратилась обратно, по-прежнему чистая, молодая и радостная. «И все это так просто, – думала она. – Почему же эти люди, живущие в большом мире, не верят в то же, во что верит она, – в пищу и кров? Почему же им не дано обладать верой в долгие скитания и в охотничьи стоянки, той верой, с которой сильные, честные люди смотрели прямо в лицо внезапной опасности и смерти на море и на суше? Почему? Верой Джекоба Уэлза, Мэта Маккарти, индейских мальчиков, с которыми она играла, индейских девочек, с которыми она устраивала сражения, и верой волкодавов, тянувших сани и бегавших с ней по снегу. Это была здоровая вера, жизненная, хорошая вера», – думала она, чувствуя себя счастливой.

Звонкое пение малиновки, раздавшееся из березовой рощи, вернуло Фрону к действительности. Где-то далеко в лесу кричала куропатка; белка, вереща, перепрыгивала с ветки на ветку и с дерева на дерево над ее головой. С реки доносились возгласы с трудом тащившихся искателей счастья, которые уже проснулись и прокладывали путь на Север.

Фрона поднялась, откинула волосы и инстинктивно пошла по старой дороге между деревьями, по направлению к лагерю вождя племени Дайя – Джорджа. Она встретила голого, как бронзовый бог, мальчика, с куском материи на бедрах. Он собирал сучья и пристально окинул ее взглядом через плечо. Она весело пожелала ему доброго утра на языке Дайя. Но он замотал головой, оскорбительно рассмеялся и, прекратив свое занятие, бросил ей вслед непристойные слова. Она не поняла его поступка – в прежнее время этого не бывало, – и, проходя мимо рослого, мрачного парня из племени Ситха, она уже ничего не сказала.

Поселок был расположен на опушке. Увидев его, она остановилась пораженная. Это был не прежний поселок с дюжиной хижин, как бы за компанию сбившихся в кучу на открытом месте. Это был внушительный городок. Он начинался у самого леса, растекался между разбросанными по равнине группами деревьев и тянулся вдоль берега реки, где в десять и двенадцать рядов были причалены длинные каноэ. Это было невиданное в прежние времена сборище племен. Берег был занят ими на протяжении тысячи миль. Тут были индейцы из незнакомых ей

племен, с женами, имуществом и собаками. Ей попадались люди с островов у Джуно и Врангеля, индейцы племени Стикс, жившие на той стороне Ущелья и глядевшие на нее недоумевающе, свирепые чилкеты и пришельцы с островов Королевы Шарлотты. Одни окидывали ее мрачными, угрожающими взглядами, другие – что было еще хуже – глядели на нее с веселым, вызывающим и покровительственным видом, смеялись и говорили гнусности.

Их наглость не испугала, а раздосадовала, огорчила ее и отравила радость возвращения домой. Фрона быстро осознала положение вещей: старые, патриархальные нравы времен ее отца отошли в вечность, уступив место уничтожающему и пагубному влиянию цивилизации.

Заглянув под поднятое полотнище одной из палаток, она увидела несколько молодцов свирепого вида, сидящих полукругом на корточках. У входа в палатку гора бутылок свидетельствовала о том, что они не спали всю ночь. Какой-то белый, с лицом, отмеченным печатью порока и хитрости, сдавал карты, а на одеяле, заменявшем стол, были навалены кучами золотые и серебряные монеты. Пройдя еще несколько шагов, она услышала шум вращающегося лотерейного колеса и увидела индейцев, мужчин и женщин, с увлечением рискующих своими в поте лица заработанными деньгами ради разноцветных безделушек. Из некоторых хижин раздавались надтреснутые и слабые звуки шарманки.

Старуха, обдиравшая кору с ивового прута у входа в палатку, подняла голову и вскрикнула.

– Хи-Хи! Тенас Хи-Хи! – бормотала она взволнованно, шамкая беззубыми деснами.

Фрона вздрогнула от ее возгласа. Тенас Хи-Хи! Крошка-Смех! Ее собственное индейское прозвище былых времен! Она повернулась и подошла к старухе.

– Неужели ты забыла меня, Тенас Хи-Хи? – пробормотала та. – А ведь у тебя молодые и быстрые глаза! Нипоза не забывает так скоро.

– Так это ты, Нипоза? – воскликнула Фрона, с трудом подыскивая слова. Она так давно не говорила по-индейски!

– Да, я – Нипоза, – ответила старуха, уводя ее внутрь палатки и отсылая быстроногого мальчугана с каким-то поручением. Обе женщины уселись на землю, и старуха любовно погладила руку Фроны, заглядывая ей в лицо тусклым, затуманенным взором.

– Да, я – Нипоза. Я рано состарилась, как все наши женщины. Та самая Нипоза, которая нянчила тебя на своих руках, когда ты была маленьким ребенком. Та Нипоза, которая прозвала тебя Тенас Хи-Хи. Та Нипоза, которая боролась за твою жизнь, когда ты бывала больна, собирала в лесу растения и травы, заваривала их и давала тебе пить. Ты мало изменилась, и я сразу узнала тебя. Я подняла голову, как только увидела на земле твою тень. Хотя, может быть, кое-какая небольшая перемена в тебе и произошла. Ты выросла большая и стройная, как ива, и солнце меньше целует твои щеки, чем раньше; но волосы у тебя все такие же непокорные, и цвет у них тот же – как у морской травы, несущейся по течению, – и тот же рот, всегда готовый улыбнуться и никогда не плачущий. И глаза твои такие же ясные, правдивые, как в те дни, когда Нипоза бранила тебя за шалости, а твой язык не хотел произносить лживых слов. Ай! Ай! Другие женщины, которые теперь приезжают сюда, не такие, как ты.

– Почему вы больше не уважаете белых женщин? – спросила Фрона. – Когда я шла по поселку, ваши мужчины говорили мне гадости, то же самое говорили и мальчики в лесу. Этого не было раньше – в те давно прошедшие дни, когда я играла с ними.

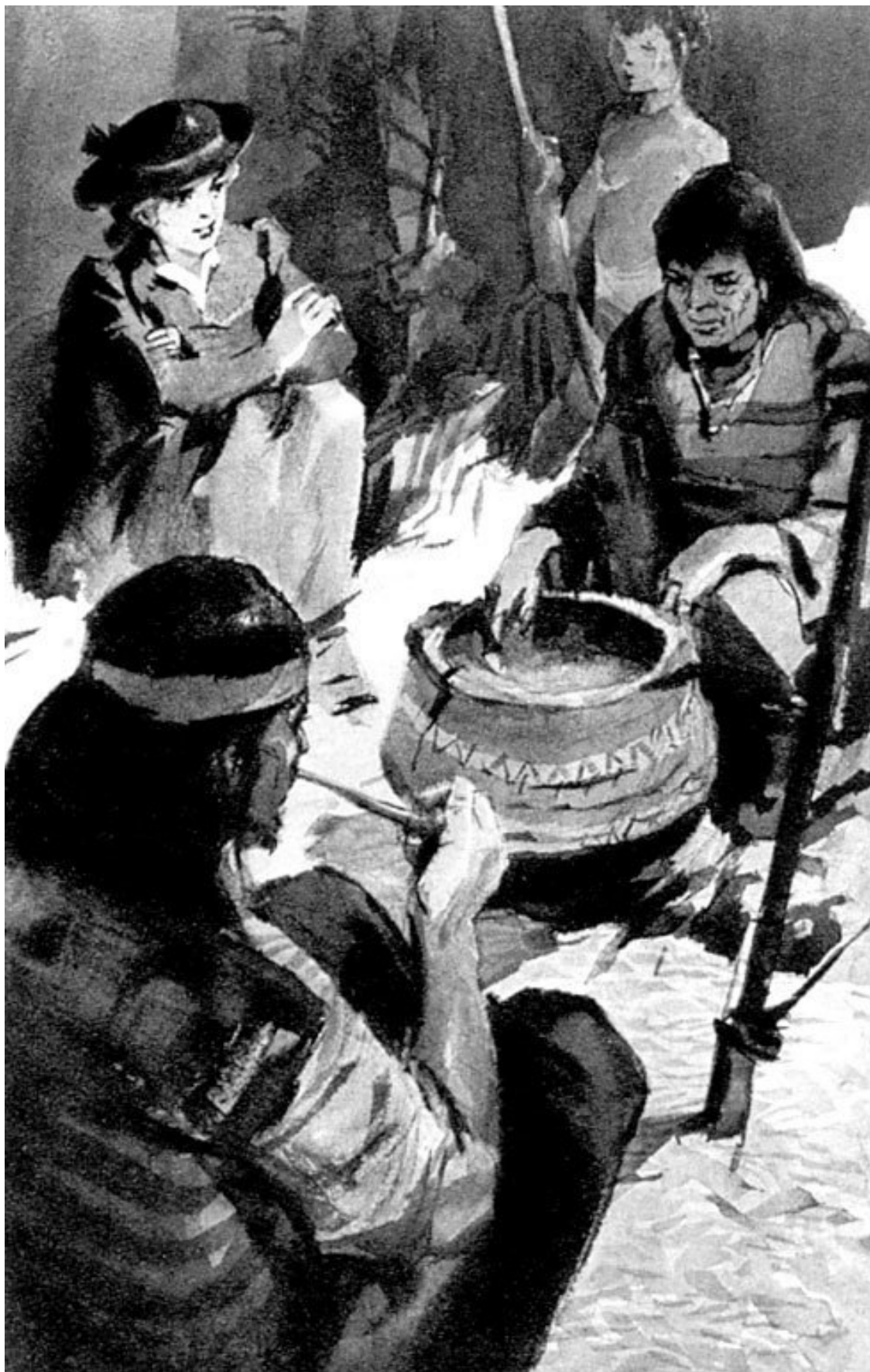
– Ай, ай! – ответила Нипоза. – Теперь это так. Но не осуждай их. Не сердись на них. Говорю тебе, в этом виноваты ваши женщины, которые приезжают сюда. Они не могут указать ни на одного мужчину и сказать: «Это мой муж». Это нехорошо, что женщины стали такими. Они смотрят на всех мужчин наглыми и бесстыдными глазами и произносят непристойные слова, и сердца у них нехорошие. Вот почему у нас не уважают ваших женщин. Что же до мальчиков, так ведь на то они и мальчики. А мужчины? Откуда же им знать?

Полотнище палатки откинулось, и вошел старик. Он заворчал при виде Фроны и уселся на землю. Только какая-то нетерпеливая живость его движений указывала на радость, которую ему доставляло ее присутствие.

– Так, значит, Тенас Хи-Хи вернулась к нам в эти скверные дни? – произнес он наконец резким, срывающимся голосом.

– Почему скверные, Муским? – спросила Фрона. – Разве ваши женщины не лучше одеты теперь? Разве в желудках ваших теперь не больше муки, копченой грудинки и другой пищи белого человека? Разве ваша молодежь не богатеет от переноски клади и гребли? Разве прекратились жертвоприношения мясом, рыбой и шерстяными одеялами? Почему же ты говоришь, что настали плохие времена, Муским?

– Все это верно, – ответил он торжественным тоном жреца, и в глазах его вспыхнуло пламя старых воспоминаний. – Все это совершенно верно. Наши женщины носят более яркую одежду. Но они обратили на себя внимание белых мужчин и уже не хотят смотреть на юношей из своего племени. И поэтому племя не увеличивается, а маленькие дети не бегают больше за нами по пятам. Вот как обстоит дело. Желудки наполнены пищей белого человека, но они также наполнены еще скверным виски. Конечно, юноши богатеют, но они проводят ночи за картами, и богатство уходит от них, и они говорят друг другу грубые слова, и в гневе осыпают друг друга ударами, и между ними случаются кровавые драки. А у старого Мускима теперь мало жертвоприношений мясом, рыбой и шерстяными одеялами, потому что молодые женщины избрали себе новые пути, и юноши больше не чтят старые обычаи и старых богов. Настали плохие времена, Тенас Хи-Хи, и старый Муским в тоске приближается к могиле.

– Ай, ай! Это так! – всхлипывая, подтвердила Нипоза.

– Безумие твоего народа заразило мой народ, – продолжал Муским. – Люди твоего племени идут из-за соленого моря, точно морские волны, и кто знает, куда они идут?

– Ай! Кто знает, куда они идут? – причитала Нипоза, раскачиваясь взад и вперед.

– Они идут все вперед, навстречу морозу и голоду; и они идут непрерывно, волна за волной!

– Ай-ай! Навстречу морозу и голоду. Это длинный путь, во мраке и холоде. – Нипоза задрожала и неожиданно схватила Фрону за руку. – И ты идешь туда же?

Фрона кивнула головой.

– И Тенас Хи-Хи идет туда же! Ай-ай-ай!

Полотнище палатки заколебалось, и Мэт Маккарти заглянул внутрь.

– Так вот вы где, Фрона? А завтрак уже полчаса ждет вас. Энди, эта старая баба, весь кипит от негодования. Доброе утро, Нипоза. Доброе утро, Муским, – обратился он к собеседникам Фроны. – Впрочем, я не думаю, что вы запомнили мое лицо.

Старики ответили на приветствие, но хранили тупое молчание.

– Поспешите, девочка, – обратился он к Фроне. – Пароход отходит в полдень, и мне осталось немного времени видеть вас. Кроме того, и Энди и завтрак уже достаточно горячи.

Глава III

Фрона помахала рукой Энди и вышла на дорогу. Через плечо у нее висел фотографический аппарат, а за спиной был маленький дорожный мешок. В руке вместо альпенштока она держала ивовый прут Нипозы. На ней был скромный серый костюм, приспособленный для ходьбы по горам и дающий максимальную свободу движениям при наименьшем количестве материи.

Ее багаж, взваленный на спины дюжины индейцев под надзором Дэла Бишопа, уже несколько часов как был отправлен. Вернувшись накануне с Мэтом Маккарти из лагеря сивашей, она встретила поджидавшего ее на складе Дэла Бишопа. Простое и несложное дело, которое привело его сюда, было решено очень быстро. Фрона направляется в глубь страны. Он намерен проделать то же самое. Ей нужен провожатый. Если она ни на ком еще не остановилась, то он самый подходящий для нее человек. Он забыл сказать ей, когда доставлял ее на берег, что несколько лет провел в этой стране и отлично знает ее. Правда, он ненавидит воду, а им предстоит ехать и в лодке, но он не боится этого. Он вообще ничего не боится. Кроме того, он готов драться ради нее с кем и когда угодно. Что касается платы, то пусть, когда они доберутся до Доусона, она замолвит за него словечко Джекобу Уэлзу, и он получит годовой запас снаряжения и продовольствия. Нет, нет, за это он не хочет отдавать долю в своем будущем участке и не берет на себя никаких обязательств! Он заплатит за все позднее, когда набьет свой мешок золотым песком. Так что же она думает о его предложении? Фрона действительно подумала, и, прежде чем она кончила завтракать, он уже отправился набирать для нее носильщиков.

Она заметила, что шагает быстрее, чем большинство ее спутников. Все они были нагружены, и им приходилось отдыхать через каждые двести-триста ярдов. Однако она с трудом поспевала за группой скандинавов, шедших впереди нее. Каждый из этих стройных белокурых гигантов нес не менее сотни фунтов поклажи. Кроме того, все они были впряжены в телегу, где лежало еще верных шестьсот фунтов. Их лица сияли солнечной улыбкой, и радость жизни была в них ключом. Этот труд казался им детской игрой и давался им очень легко. Они шутили друг с другом и с прохожими на никому не понятном языке, и их громкий смех раздавался, точно эхо в пещере. Люди уступали им дорогу и глядели вслед с завистью. Скандинавы легко одолевали подъемы, встречавшиеся на пути, галопом спускались с откосов, и обшитые железом колеса их повозки грохотали по скалам. Наконец они нырнули в густой, темный лес и вышли к броду через реку. На песчаной косе лежал утопленник, устремив на солнце немигающий взгляд. Какой-то человек в сотый раз повторял раздраженным тоном: «Где его компаньон? Разве у него нет компаньона?» Двое других, сбросив на землю свои тюки, хладнокровно рылись в имуществе мертвеца. Один громко называл различные предметы, а другой проверял их, раскладывая на куске грязной оберточной бумаги. Размокшие письма и квитанции валялись на песке. Небольшая кучка золотых монет была небрежно брошена на белый носовой платок. Люди, проплывавшие мимо в каноэ и яликах, не обращали на все это никакого внимания.

Скандинавы взглянули на эту сцену, и лица их на мгновение омрачились. «Где его компаньон? Разве у него нет компаньона?» – раздраженно спросил их человек. Они покачали головами, так как не понимали по-английски. Потом они спустились к реке и вошли в воду. С противоположного берега им что-то предостерегающе крикнули. Они остановились и стали совещаться. Затем опять двинулись вперед. Оба человека, возившихся с вещами утопленника, обернулись и стали наблюдать. Вода едва доходила скандинавам до пояса, но течение было быстрым. Они спотыкались, а повозка временами сильно наклонялась. Но самое страшное было еще впереди, и Фрона почувствовала, что у нее захватывает дыхание. Двум первым вода доходила уже до колен, как вдруг у того, кто был ближе к повозке, соскочил ремень. Его

поклажа сползла набок, и он потерял равновесие. В то же мгновение поскользнулся его сосед, и оба свалились в воду. Следующие двое также были сбиты с ног, когда повозка перевернулась, и течение увлекло ее в более глубокую часть потока. Два скандинава, выходявшие уже из воды, бросились обратно и стали тянуть за веревки. Но даже им, исполинам, было не под силу удержать телегу. Дюйм за дюймом всех начало затягивать в водоворот.

Тюки тянули их на дно. Только один из них, тот, у которого оборвался ремень, выбрался и поплыл, но не к берегу, а вниз по течению, стремясь спасти своих товарищей. В двухстах футах ниже поток омывал зубчатую скалу, и тут-то минутой позже они всплыли на поверхность. Сначала появилась все еще нагруженная телега. Одно из ее колес разлетелось вдребезги. Перевернувшись несколько раз, она снова погрузилась в воду. Смешавшись в кучу, люди последовали за ней. Они ударялись о выступавшие из воды скалы, и поток уносил их все дальше. Всех, кроме одного. Из своего каноэ (около дюжины каноэ устремились к ним на помощь) Фрона видела, как окровавленными пальцами он вцепился в скалу. Она видела его бледное лицо и отчаянные усилия; ему не удалось удержаться, и его понесло дальше, как раз в тот момент, когда один из его товарищей, свободный от груза, подплыл к нему, чтобы схватить его. Оба снова погрузились в воду. Потом, все еще борясь с течением, они на мгновение показались в более мелком месте.

Каноэ подобрало того из них, который плыл отдельно, а остальные исчезли в глубоком и быстром потоке. Около четверти часа безрезультатно искали утонувших. Наконец трупы были найдены на мели за водоворотом. С плывущей вверх по реке лодки взяли веревку, на берегу раздобыли пару лошадей, и страшный груз был вытасчен на сушу. Фрона посмотрела на пятерых юных гигантов, которые с переломанными костями безжизненно лежали на грязной земле. Теперь они уже никуда не спешили. Они все еще были впряжены в телегу, и уже ненужные им теперь роковые тюки все еще были укреплены на их спинах. Шестой сидел подле них, оглушенный катастрофой. Глаза его были сухи. На расстоянии десяти шагов от этой мрачной группы беспрерывно катился поток жизни. Фрона смешалась с ним и двинулась дальше.

Темные горы, покрытые еловым лесом, спускались прямо к руслу Дайи, где нога человека ступала по сырой, не знавшей солнечных лучей земле, превращая ее в грязное месиво. Люди искали новых троп, и их уже было много. В одном месте Фрона наткнулась на мужчину, беспечно растянувшегося в луже. Он лежал на боку, раскинув ноги. Одна рука его под тяжестью тела и поклажи была притиснута к земле. Щека покоилась в тине, на лице отражалось удовольствие. Увидев Фрону, он обрадовался, и в глазах его сверкнула улыбка.

– Ну и замешкались же вы! – обратился он к ней. – Уже около часу, как я вас поджидаю.

Вот-вот, – продолжал он, когда Фрона наклонилась над ним. – Отстегните ремень. Проклятая пряжка! Я никак не мог добраться до нее.

– Вы не ушиблись? – спросила она.

Он сбросил ремни, встряхнул головой и потрогал затекшую руку.

– Нет! Целехонек. Благодарю вас. Даже не ушибся. – Он потянулся и вытер грязные руки о ветви ближайшей ели. – Вечная моя неудача. Но зато я недурно отдохнул, так что стоит ли жаловаться? Видите ли, я споткнулся об этот небольшой корень и – трах! – оказался на земле, беспомощный, как младенец. Никак не мог добраться до этой вот пряжки. Я пролежал битый час, потому что все предпочитают идти нижней тропой.

– А почему вы никого не позвали?

– Чтобы заставить людей карабкаться ко мне? Они и так падают с ног от усталости! Нет уж, простите! Недостаточно серьезное было дело. Если бы кто-нибудь заставил меня карабкаться наверх только из-за того, что он поскользнулся, я бы, конечно, вытащил его из грязи, но потом обязательно окунул бы его еще несколько раз в эту же самую грязь. Кроме того, я был уверен, что в конце концов кто-нибудь набредет на меня.

– Ого, вы молодец! – воскликнула Фрона, повторяя слова Дэла Бишопа. – В здешних краях вы пригодитесь.

– Да, – ответил он, взвалив на спину свой тюк и бодро зашагав вперед. – И как-никак я хорошо отдохнул.

Тропа спускалась к реке по крутому обрыву. Стройная сосна, переброшенная через ревущий поток, почти касалась воды. Волны ударялись о ее гибкий ствол и приводили его в ритмическое вращательное движение, а ноги многочисленных носильщиков, прошедших здесь, отполировали ее отмытую водой поверхность. Фроне предстоял рискованный переход в восемьдесят футов. Она ступила на ствол и почувствовала, как он закачался. Услышав рев волн и увидев бешеный поток, она испугалась и отступила. Развязав шнурки своих ботинок, она сделала вид, будто затягивает их туже. Как раз в это время из лесу показалась группа индейцев. Впереди шли три или четыре парня, за ними следовало много женщин. Все они несли на голове огромные тюки. Позади них тащились дети, тоже нагруженные кладью, и замыкали шествие подлюжины собак, которые с высунутыми языками волокли свою поклажу.

Мужчины искоса взглянули на Фрону, и один из них сказал что-то вполголоса. Она не расслышала его слов, но хихиканье, пронесшееся по рядам, было для нее понятнее слов. Лицо ее вспыхнуло, она почувствовала себя опозоренной в своих собственных глазах. Но виду она не подала. Предводитель отошел в сторону, и один за другим все индейцы совершили рискованный переход через поток. Когда кто-нибудь из них доходил до середины, ствол прогибался и исчезал под водой, а человек нащупывал путь ногами, идя по щиколотку в холодных бушующих волнах. Даже маленькие дети перебирались, не колеблясь. За ними, взвизгивая и упираясь, прошли понукаемые людьми собаки. Когда уже никого не осталось, предводитель обратился к Фроне.

– Идите по проезжей дороге, – сказал он, указывая на гору. – Вам лучше идти по проезжей дороге. Она длиннее, но удобнее для вас.

Фрона покачала головой и подождала, пока он достиг противоположного берега. В ней заговорил не только голос ее собственной гордости, но и голос гордости за свою расу; и последний был сильнее, поскольку раса значила гораздо больше, чем она сама. Она поставила ногу на бревно и под взглядами туземцев шагнула в белый пенный водоворот.

На краю тропинки она набрела на плачущего человека. Его тюк, неуклюже обвязанный ремнями, валялся на земле. Он снял один сапог, его нога страшно распухла и была покрыта волдырями.

– В чем дело? – спросила она, остановившись.

Он взглянул сначала на нее, потом вниз, где во мраке, точно живое серебро, катилась Дайя. Слезы все еще застилали его глаза, и он продолжал всхлипать.

– В чем дело? – повторила она. – Не могу ли я вам помочь?

– Нет, – ответил он. – Чем вы можете помочь мне? У меня стерты ноги, я чуть не сломал позвоночник и устал до смерти. Ну чем вы тут поможете?

– Ну так что же! – рассудила она. – Могло быть и хуже. Подумайте о тех, кто еще только сошел на берег. Им понадобится около двух недель, чтобы дотащить свою кладь до того места, куда вы уже добрались.

– Но мои компаньоны бросили меня и ушли вперед, – всхлипнул он, казалось, взывая к ее жалости. – Я совсем один и не могу сделать ни шагу. Подумайте о моей жене и детях. Они остались в Штатах. О, если бы они сейчас видели меня! Я не могу вернуться к ним и идти вперед тоже не могу. Это для меня слишком тяжело. И работать, как лошадь, у меня тоже нет сил. Я не создан для этого. Уж лучше мне умереть, чем так работать. О, что мне делать? Что мне делать?

- Почему ваши компаньоны покинули вас?
- Ведь я не так силен, как они, и не мог нести такой же груз, как у них. Они издевались надо мной и в конце концов бросили меня.
- Приходилось ли вам раньше испытывать лишения? – спросила Фрона.
- Нет.
- Вы выглядите здоровым и сильным человеком. Да и весите не меньше ста шестидесяти пяти фунтов?
- Сто семьдесят, – поправил он.
- У вас вид человека, никогда ничем не болевшего. Вы болели когда-нибудь?
- Н-нет.
- А кто ваши компаньоны? Старатели?
- Никогда в жизни ими не были. Они работали в той же конторе, что и я. Вот это меня и огорчает. Разве вы не понимаете? Мы знаем друг друга уже несколько лет! И бросить меня только потому, что я не мог идти так же быстро, как они!..
- Друг мой, – и Фрона почувствовала, что в ней говорит представительница белой расы, – вы не менее сильны, чем они. Вы можете работать так же, как они, и тащить столько же клади. Но вы слабы духом. Здесь не место таким. Вы не можете работать, как лошадь, так как вы этого не хотите. И потому эта страна в вас не нуждается. Северу требуются сильные люди, сильные духом, а не телом. Тело здесь ни при чем. Возвращайтесь в Штаты. Здесь вы нам не нужны. Если вы пойдете дальше, вы погибнете, и что тогда будет с вашей женой и малютками? Продайте ваше снаряжение и возвращайтесь домой. Через три недели вы будете дома. Прощайте.

Она миновала Овечий Лагерь. Где-то выше в горах под напором подземных вод рухнул огромный глетчер, и по узкому скалистому ущелью стремительно неслись вниз сотни тысяч тонн льда и воды. Тропа была еще скользкой от тины, и люди уныло копошились среди хлама опрокинутых палаток и в ямах, где хранилось продовольствие. Некоторые из них с лихорадочной поспешностью рыли землю, и окоченевшие трупы у края дороги без слов объясняли смысл этой работы. Несколькими ярдами ниже поток продолжал свое разрушительное дело. Люди спасались от него бегством, взваливая кладь на выступавшие кое-где камни, с трудом переводили дух и снова принимались за свою изнурительную работу.

Лучи полуденного солнца залили скалу Весы. Деревьев здесь уже не было, и от голых камней исходил головокружительный зной. С обеих сторон видны были полосы льда, чередовавшиеся с голой землей. А над всем этим возвышался обвеваемый ветрами Чилкут. По его голому неровному склону извивающейся лентой взбирались люди. Лента эта казалась бесконечной. Она начиналась внизу, где росли последние карликовые кусты, темной полосой тянулась через сверкающее ледяное пространство и ползла мимо Фроны, присевшей закусить на краю дороги. Она поднималась все выше по крутому скату, постепенно становясь едва различимой, и наконец скрывалась за гребнем горы.

Пока Фрона смотрела на Чилкут, он начал заволакиваться туманом и облаками; и снежная буря обрушилась на ползущих пигмеев. Дневной свет погас, водворилась глубокая тьма, но Фрона знала, что где-то там, наверху, бесконечная цепь муравьев, изнемогая и задыхаясь, продолжает карабкаться в небо. Ее глубоко обрадовала мысль о вечности человеческого стремления к власти над природой, и она вступила в эту вереницу людей, выползавшую из мрака и исчезающую в вихре, который несся ей навстречу.

В тумане, цепляясь руками и ногами за склоны, вскарабкалась она на вершину потухшего вулкана, могущественного предка Чилкута, и вышла к пустынному озеру, заполнившему его кратер. По озеру ходили злобные волны, увенчанные белыми гребнями. Берег был усеян сотнями ям, наполненных различной кладью, которая дожидалась переправы. Но на воде не

было видно ни одной лодки. На скале стоял ветхий шалаш, покрытый засаленным парусиновым чехлом. Фрона разыскала его владельца, черноглазого парня с открытым лицом и энергичным подбородком. Да, он перевозчик, но сегодня он не работает. Озеро слишком бурно для переправы. Обычно он берет двадцать пять долларов с пассажира, но сегодня он никого перевозить не будет. Разве он не сказал, что сегодня слишком плохая погода? Все дело в этом.

– Но меня-то вы, надеюсь, перевезете? – спросила Фрона.

Он покачал головой и поглядел на озеро.

– На той стороне волнение еще сильнее. Даже большим деревянным лодкам не пробраться. Одна с целой кучей пассажиров рискнула отправиться, так ее отнесло к западному берегу. Я сам это видел. А оттуда нет тропы, чтобы обойти озеро кругом. И им придется торчать там, пока не кончится буря.

– И все-таки они в лучшем положении, чем я. Мое снаряжение находится в Счастливом Лагере, и я никак не могу остаться здесь. – Фрона обаятельно улыбнулась, но ее улыбка ни о чем не просила; в ней не было и следа женской беспомощности, взывающей к рыцарской поддержке мужчины. – Пожалуйста, подумайте еще раз и переправьте меня.

– Нет.

– Я заплачу вам пятьдесят долларов.

– Я сказал – нет.

– Уверю вас, я ничуть не боюсь.

Глаза молодого человека загорелись гневом. Он стремительно обернулся к ней, но, подумав, не произнес тех слов, которые уже были готовы сорваться с его языка. Она поняла, что неумышленно задела его, и хотела оправдаться. Но, подумав, так же, как и он, промолчала: ей показалось, что это был, пожалуй, единственный способ заставить его уступить. Они стояли против ветра, как моряки на палубе корабля, и упрямо смотрели друг на друга. Его волосы прилипли ко лбу, а длинные локоны Фроны разметались и хлестали ее по щекам.

– Ну, идите, что ли! – Сердитым движением он толкнул в воду лодку и бросил в нее весла. – Лезьте! Я перевезу вас, но ваши пятьдесят долларов тут ни при чем. Я возьму с вас обычную цену, и ни гроша больше.

Порыв ветра подхватил легкую скорлупку и отнес ее футов на двадцать в сторону. Брызги окатывали их непрерывным дождем, и Фрона сразу же взялась за черпак.

– Нас, вероятно, отнесет к западному берегу! – закричал он, налегая на весла. – И вы здорово прогадаете. – Он свирепо посмотрел на нее.

– Нет, – возразила она, – это будет печально для нас обоих: придется провести ночь под открытым небом без одеял и огня. Но, по-моему, этого не случится.

Фрона вышла из лодки на скользкие камни, помогла втащить ее на берег и вычерпать из нее воду. Со всех сторон их окружали голые скалы. Не переставая, сеял мокрый снег, сквозь пелену его в сгущающихся сумерках с трудом можно было разглядеть несколько ям, наполненных водой.

– Вам надо торопиться, – сказал перевозчик, поблагодарив ее за помощь и сталкивая лодку в воду. – Отсюда до Счастливого Лагеря две мили ходьбы в гору. До самого места нет ни дерева. Отправляйтесь скорее. Прощайте.

Фрона пожала ему руку и сказала:

– Вы храбрый человек.

– О, я не думаю. – Восхищенно посмотрев на нее, он ответил ей сильным рукопожатием...

Дюжина безобразных палаток стояла у самой опушки леса. Это и был Счастливый Лагерь. Уставшая за день Фрона брела от палатки к палатке. Ее мокрое платье прилипло к телу, и ветер яростно швырял ее из стороны в сторону. В одном месте через парусиновый полог до нее донеслась отборная брань. Фрона была уверена, что это Дэл Бишоп. Но, заглянув внутрь,

поняла, что ошиблась, и побрела дальше, пока не оказалась у последней палатки лагеря. Чуть приподняв край полотнища, она увидела при мигающем свете свечи лишь одного мужчину. Он стоял на коленях и с увлечением раздувал огонь в закоптелой юконской печке.

Глава IV

Фрона отстегнула низ палатки и вошла. Мужчина продолжал раздувать огонь, не замечая ее присутствия. Фрона кашлянула, и он поднял на нее покрасневшие от дыма глаза.

– Так, – сказал он довольно небрежно. – Пристегните полотнище и устраивайтесь поудобнее.

Затем он снова принялся за свое дело.

«Он гостеприимен, этого нельзя отрицать», – мелькнуло у нее в голове. И, выполнив его распоряжение, она подошла к печке.

Охапка карликовых елок, сучковатых и мокрых, лежала сбоку. Фрона хорошо знала эту ель, которая стелется и извивается в расщелинах скал на скудных пластах наносной почвы и в отличие от других своих сестер редко поднимается более чем на фут от земли. Фрона заглянула в духовку; убедившись, что она пуста, наполнила ее мокрыми ветками. Мужчина поднялся с колен, кашляя от дыма, попавшего в его легкие, и одобрительно кивнул.

Отдышавшись, он обратился к ней:

– Садитесь и сушите ваши юбки. Я приготовлю ужин.

Он поставил кофейник на край печки, выплеснул в него остатки воды и, взяв ведро, вышел из палатки. Как только он исчез, Фрона схватила свой дорожный мешок, и когда он через минуту вернулся, она была уже в сухой юбке и выжимала воду из мокрой. В то время как он рылся в ящике для провизии, доставая тарелки и прочие принадлежности для еды, она растянула веревку и повесила мокрую юбку. Тарелки оказались грязными, и, когда он начал их мыть, она повернулась к нему спиной и быстро переменяла чулки. Еще с детства она знала, что в дороге необходимо заботиться о своих ногах. Поставив мокрые ботинки на кучу дров за печкой, она обулась в мягкие изящные домашние мокасины индийского изготовления. Огонь к тому времени разгорелся, и она решила, что ее белье высохнет на ней.

В продолжение всего этого времени оба не проронили ни слова. Мужчина молчал и с озабоченным видом занимался своим делом. Фрона решила, что он не хочет слушать ее объяснений. Казалось, для него не было ничего необыкновенного в том, чтобы в бурную ночь давать приют молодой женщине, постучавшей в его палатку. Ей даже это нравилось. Но она не понимала причины его странного поведения, и это беспокоило ее. Ее не покидало смутное ощущение, будто ему ясно что-то такое, чего она себе не уяснила. Несколько раз она собиралась заговорить, но он обращал так мало на нее внимания, что она решила не делать этого.

Он вскрыл топором жестянку с мясными консервами, потом поджарил несколько кусков копченой грудинки и, оставив сковороду, вскипятил кофе. Из ящика для провизии он извлек кусок сырой холодной лепешки, осмотрел его с некоторым сомнением и, скользнув по Фроне быстрым взглядом, выбросил его из палатки. После этого он высыпал из мешка на клеенку морские сухари, которые давно уже превратились в крошки и так сильно намокли, что стали похожи на кашу грязно-белого цвета.

– Это все, что у меня есть вместо хлеба, – пробормотал он. – Присаживайтесь и ешьте.

– Подождите. – И, прежде чем он успел возразить, Фрона высыпала сухари на сковородку с копченой грудинкой и салом. Все это она залила двумя чашками воды и быстро размешала над огнем. Когда на сковородке зашипело, она добавила разрезанные на куски мясные консервы, густо посыпав все солью и черным перцем. От ее стряпни шел очень аппетитный запах.

– Должен признаться, что это чрезвычайно вкусно, – сказал он, держа тарелку на коленях и жадно поедая диковинную снедь. – Как это называется?

– Тушеное мясо, – коротко ответила она, после чего трапеза продолжалась в молчании.

Фрона налила ему чашку кофе, не переставая наблюдать за ним. Она нашла, что у него не только приятное, но и мужественное лицо. В нем чувствуется скрытая сила, подумала она.

Он занимается науками, добавила она затем, потому что не раз встречала подобных людей и обращала внимание на напряженное выражение их глаз, которое появляется от долгих ночных занятий. Такими были и его глаза. Карие, красивые той красотой, которая приличествует мужчине, заключила она. Но, накладывая ему вторую порцию, Фрона с удивлением заметила, что глаза его были скорее цвета спелого ореха. При дневном свете и при хорошем самочувствии они должны быть серыми, пожалуй, даже иссиня-серыми. У ее единственной подруги по школе были именно такие глаза.

Его каштановые, чуть вьющиеся волосы отливали золотом при свете свечи, а бурые усы мягко свисали вокруг рта. Что касается остального, то лицо его было гладко выбрито и красиво настоящей мужской красотой. Сначала ей не понравились впадины на его щеках, но, окинув взглядом его хорошо сложенную, стройную, мускулистую фигуру с широкой грудью и могучими плечами, она примирилась с ними; они, по-видимому, не имели ничего общего с плохим питанием. Его фигура свидетельствовала о противоположном. Впадины же только указывали на то, что он не страдает ожорством. Рост его был пять футов девять дюймов. Как гимнастка, она это определила точно, а возраст его колебался между двадцатью пятью и тридцатью годами, вероятно, ближе к двадцати пяти.

– У меня очень мало шерстяных одеял, – отрывисто заявил он, допив свою чашку кофе и поставив ее на ящик с провизией. – Я не думаю, чтобы мои индейцы возвратились с озера Линдерман раньше завтрашнего утра, а здешние молодцы тоже уже все отправили, за исключением нескольких мешков с мукой и самого необходимого снаряжения. Впрочем, у меня найдется несколько теплых пледов, которые отлично заменят одеяла.

Он повернулся к ней спиной, как бы не ожидая ответа, и извлек из резинового чехла сверток одеял. Затем вытащил из другого мешка два пледа и бросил их на землю.

– Опереточная артистка, я полагаю?

Он спросил ее, видимо, безо всякого интереса, только для того, чтобы поддержать разговор, и заранее знал стереотипный ответ. Но для Фроны этот вопрос был равносителен пощечине. Она вспомнила филиппику Нипозы против белых женщин, приезжающих в эту страну, и, поняв ложность своего положения, посмотрела на себя его глазами.

Но он продолжал, не дожидаясь ее ответа:

– Вчера ночью здесь были две опереточные красотки, а позавчера – три. Но тогда у меня было больше постельных принадлежностей. Не правда ли, ужасна эта их несчастная способность вечно терять свой багаж? Но, как ни странно, я до сих пор еще ни разу не находил потеряннго ими. И, по-видимому, все они примадонны. Среди них никогда не бывает артисток на вторые или третьи роли, никогда. Вы, вероятно, тоже примадонна?

Кровь волной прилила к ее щекам, и это рассердило ее больше, чем его слова. Хотя она знала, что прекрасно умеет владеть собой, краска на ее лице как бы выдавала смущение, которого в действительности она не испытывала.

– Нет, – холодно ответила она. – Я не опереточная артистка.

Ничего не отвечая, он бросил на пол по одну сторону печки несколько мешков с мукой и устроил из них нечто вроде кровати. Ту же операцию он проделал и с остальными мешками, разложив их по другую сторону печки.

– Вы тоже артистка в своем роде, – настойчиво повторил он, презрительно подчеркивая слово «артистка».

– К сожалению, я совсем не артистка.

Одеяло, которое он складывал, выпало у него из рук, и он выпрямился. До этого времени он едва обращал на нее внимание. Теперь же он внимательно осмотрел ее с головы до ног, изучая покрой платья и даже прическу. Так прошло несколько секунд.

– О! Прошу прощения, – наконец изрек он и опять уставился на нее. – В таком случае вы очень неразумная женщина, мечтающая о богатстве и закрывающая глаза на все опасности

подобного паломничества. Приезжают в эту страну либо достойные уважения жены и дочери, либо же те, кто не достоин его вовсе. Последние приличия ради называют себя опереточными звездами и артистками; и мы из вежливости делаем вид, что верим им. Да, да, я знаю, что вы хотите сказать. Но помните: здесь есть только такие женщины. Других нет, и те, которые пробуют найти третий путь, терпят неудачу. Так что вы очень, очень неразумная девушка, и, пока еще не поздно, вернитесь. Я одолжу вам денег на обратный путь в Штаты. Если вы взглянете на это просто как на заем у совершенно чужого человека, я завтра отправлю с вами индейца, и он вас проводит до Дайи.

Раза два Фрона пробовала прервать его, но властным движением руки он принуждал ее к молчанию.

– Благодарю вас, – начала она; но он перебил ее:

– Не за что, не за что!

– Благодарю вас, – повторила она, – но дело в том, что... вы ошибаетесь. Я только что проделала путь от Дайи и ожидала найти в Счастливом Лагере носильщиков с моей кладью. Они вышли за несколько часов до меня. Я не могу понять, каким образом мне удалось обогнать их. Впрочем, теперь я понимаю! Сегодня днем на озере Кратер к западному берегу ветром отнесло какую-то лодку. По всей вероятности, они находились в ней. Тут-то мы и разминулись, и я оказалась впереди. Что же до моего возвращения обратно, то я ценю ваше предложение, но мой отец живет в Доусоне, и мы с ним не виделись уже три года. Кроме того, я сегодня прошла слишком много и очень хочу отдохнуть. Если вы не откажете мне в вашем гостеприимстве, то разрешите мне лечь спать.

– Это невозможно. – Он отбросил одеяла, уселся на мешки с мукой и бессмысленно посмотрел на нее.

– Есть ли... Есть ли женщины в других палатках? – спросила она нерешительно. – Я не видела ни одной, но, может быть, я просто не заметила.

– Были тут муж с женой, но сегодня утром они свернули свою палатку и ушли. Нет, здесь нет женщин, за исключением... за исключением двух или трех в одной палатке, но они... они вам не подходят.

– Вы думаете, меня испугает их гостеприимство? – рассердилась Фрона. – Ведь они женщины, вы сами это сказали.

– Но я сказал, что для вас это не подходит, – рассеянно ответил он, глядя на надувшуюся парусину и прислушиваясь к завыванию бури. – В такую ночь, как сегодня, без крова над головой можно умереть.

А остальные палатки совершенно переполнены, – продолжал он размышлять вслух. – Я это знаю наверное. Они перенесли в них припасы из ям, опасаясь, что все промокнет. И там так тесно, что повернуться негде. Кроме того, буря загнала сюда еще дюжину путешественников. Двое или трое из них просили разрешения поместиться на ночь у меня, если они не найдут другого места. Вероятно, они нашли, но это еще не доказывает, что есть свободные места. И во всяком случае...

Он беспомощно умолк. Невозможность изменить создавшееся положение была очевидна.

– Могу я ночью добраться до Глубокого Озера? – спросила Фрона, забывая о себе и жалея его. Но, отдав себе отчет в этих словах, она расхохоталась.

– Вы не сможете переправиться в темноте через реку. – Его рассердило ее легкомыслие. – И по дороге нет другого лагеря.

– *Вы* боитесь? – спросила она чуть-чуть насмешливо.

– Не за себя.

– В таком случае я лягу спать.

– Я могу сидеть всю ночь и присматривать за печкой, – предложил он после краткого молчания.

– Ерунда! – воскликнула она. – Как будто таким образом вы соблюдете ваши глупые приличия! Мы не в цивилизованной стране, а недалеко от Северного полюса. Ложитесь спать!

Он пожал плечами в знак того, что сдаётся.

– Хорошо! Что же мне теперь надо делать?

– Помочь мне устроить постель, разумеется. Мешки положены крест-накрест! Благодарю вас, но мне они не под силу. Вот... Подвиньте-ка их сюда.

По ее указанию он положил мешки вдоль стен палатки в два ряда. Между ними образовался неудобный провал. Но она сровняла его, плашмя ударив несколько раз топором и таким образом уменьшив наклон мешков к стене. Потом сложила второе одеяло и постелила его между мешками.

– Гм! – буркнул он, как бы рассуждая сам с собой. – Теперь я понимаю, почему мне было так неудобно спать! Сделаю и я то же самое!

И он быстро последовал ее примеру.

– Я вижу, вы не привыкли путешествовать по здешним краям, – заметила она, расстилая сверху еще одно одеяло и усаживаясь на постель.

– По всей видимости, да, – ответил он. – А что вы знаете о таких путешествиях? – проворчал он немного погодя.

– Достаточно, чтобы делать то, что надо, – уклончиво ответила она, вытаскивая из духовки сухие ветки и заменяя их мокрыми.

– Послушайте! Вот так буря! – воскликнул он. – На дворе становится все хуже и хуже, если это еще возможно.

Палатка качалась под напором ветра, парусина надувалась и трещала при каждом его порыве, между тем как снег и дождь барабанили над головой, точно предварительная схватка уже перешла в настоящее сражение. В короткие мгновения затишья слышно было, как вода льется по боковым стенкам палатки, шумя словно маленький водопад. Он протянул руку и с любопытством дотронулся до мокрого потолка. И внезапно с этого места прямо на ящик с провизией хлынул поток воды.

– Не делайте этого! – воскликнула Фрона, вскочив на ноги. Она прижала палец к тому же месту и быстро провела им по парусине до земли. Течь немедленно прекратилась. – Не надо этого делать, – укоризненно повторила она.

– Господи! – послышался его ответ. – Вы сегодня прошли весь путь от Дайи! Неужели вы еще можете двигаться?

– С большим трудом, – призналась она чистосердечно, – мне очень хочется спать. Спокойной ночи, – пожелала она ему несколько минут спустя, с наслаждением растягиваясь под теплым одеялом. Но спустя четверть часа окликнула его: – Послушайте! Вы не спите?

– Нет. – Его голос с противоположной стороны печки звучал глухо. – В чем дело?

– Вы накололи щепок?

– Щепок? – сонно переспросил он. – Каких щепок?

– Чтобы растопить печку завтра утром. Встаньте и наколите!

Он молча повиновался. И не успел он кончить свою работу, как она уже спала.

Когда Фрона открыла глаза, в воздухе пахло неизменной копченой грудинкой. Наступило утро, и буря прекратилась. Солнце весело освещало затопленную дождем местность и заглядывало в палатку сквозь поднятое полотнище. Люди уже занялись своими делами и шагали мимо палатки, нагруженные тяжелыми тюками. Фрона перевернулась на другой бок. Завтрак был готов. Ее хозяин только что поставил в духовку грудинку с жареным картофелем и теперь подпирал дверцу двумя лучинками.

– Доброе утро! – приветствовала она его.

– Здравствуйте, – ответил он, поднимаясь на ноги и беря в руки ведро. – Я не спрашиваю, хорошо ли вы спали. Я знаю, что хорошо.

Фрона засмеялась.

– Я иду за водой, – пояснил он. – И надеюсь по возвращении найти вас готовой к завтраку.

Греясь после завтрака на солнце, Фрона заметила знакомую ей группу людей, взбравшихся по леднику от озера Кратер. Она захлопала в ладоши.

– Вот идут носильщики с моей кладью, и с ними Дэл Бишоп! Ему, вероятно, очень стыдно, что он потерял меня. – Она обернулась к приютившему ее человеку, одновременно вешая через плечо свой фотографический аппарат и дорожный мешок. – Итак, мне остается только проститься с вами и поблагодарить вас за вашу любезность.

– О, совершенно не за что! Не стоит и говорить об этом. Я сделал бы то же самое для каждой.

– Опереточной артистки!

Он укоризненно посмотрел на нее и продолжал:

– Я не знаю, кто вы, да и не желаю знать.

– Ну, я не буду так жестока, потому что знаю ваше имя, мистер Вэнс Корлисс! Я ведь прочла его на пароходных ярлыках, – пояснила она. – И я прошу вас навестить меня, когда вы доберетесь до Доусона. Меня зовут Фрона Уэлз. До свидания!

– Ваш отец Джекоб Уэлз? – крикнул он ей вслед, когда она легким шагом сбежала на тропу.

Она обернулась и кивнула головой.

Дэл Бишоп не только ничего не стыдился, но даже и не беспокоился.

«Уэлзы нигде не пропадут», – утешал он себя, засыпая накануне вечером. Но он был зол, как тысяча чертей, по его собственному выражению.

– Доброе утро, – приветствовал он Фрону. – По вашему лицу видно, что вы и без моей помощи хорошо провели ночь.

– Надеюсь, вы не беспокоились? – спросила Фрона.

– Беспокоился? О дочке Уэлза? Кто? Я? Совсем нет! Я был слишком занят, высказывая озеру Кратер все, что я о нем думаю. Я не люблю воды. Я уже говорил вам это. И хотя она всегда поступает со мной подло, я все-таки не боюсь ее. Эй, вы там! – обратился он к индейцам. – Поторапливайтесь! К полудню мы должны быть у озера Линдерман.

«Фрона Уэлз?» – повторял про себя Вэнс Корлисс.

Все случившееся показалось ему сном, и он пришел в себя, только когда обернулся и увидел ее удаляющуюся фигуру. Дэл Бишоп и индейцы уже исчезли за поворотом скалы, а Фрона как раз огибала ее подножие. Солнце ярко освещало ее, и она была подобна лучезарному видению на черном фоне скалы. Она помахала ему альпенштоком, и в то время, как он снимал свою фуражку, она уже скрылась из виду.

Глава V

Положение, которое занимал Джекоб Уэлз, без сомнения, было необычным. Этот богатейший торговец в стране, не имеющей никакой торговли, был зрелым продуктом девятнадцатого века и процветал в первобытном обществе, подобном обществу средиземноморских вандалов. Промышленный магнат и блестящий монополист, он господствовал над сборищем самых независимых людей, какие когда-либо сходились вместе со всех концов земли. Бережливый миссионер, апостол Павел от торговли, он проповедовал законы выгоды и силы. Веруя в естественные права человека, сам дитя демократии, он подчинял всех окружающих своей неограниченной власти. Правление Джекоба Уэлза для блага Джекоба Уэлза и народа – вот в чем заключалось его неписаное евангелие. Он создал свою власть единолично и простер ее над пространством, равным дюжине римских провинций. Он мог диктовать свою волю людям, жившим на территории в сто тысяч миль, по его указу вырастали и исчезали города.

И все же он был обыкновенным человеком. Воздух земли впервые наполнил его легкие у берегов реки Платт, в бесконечных прериях. Над его головой простиралось небо, и его нагое нежное тельце было распростерто на зеленой траве. Первое, что увидели его глаза, были лошади, еще оседланные и с кротким удивлением взиравшие на совершившееся чудо; его отец был траппером и только свернул с большой дороги, чтобы дать своей жене возможность разрешиться от бремени. Часом позже они – теперь их было уже трое – вновь уселись на коней и догоняли своих товарищей-охотников. Они никого не задержали; не было потеряно ни минуты времени. Наутро его мать приготовила на костре завтрак, и до захода солнца они проделали еще пятьдесят миль верхом.

Отец Джекоба происходил из семьи крепких валлийцев, перекочевавшей с многолюдного Востока в только что созданный штат Огайо, а мать его была дочерью ирландских эмигрантов, осевших в Онтарио. От родителей он унаследовал жажду скитаний, лихорадочную потребность к движению и стремление во всем испить чашу до дна. В первый же год своей жизни, едва научившись ходить, Джекоб Уэлз проехал верхом на лошади тысячу миль по дикой местности и провел зиму в охотничьей хижине у истоков Северной Ред-Ривер. Его первой обувью были мокасины, его первым лакомством – жир американского лося. Сначала он думал, что мир – это огромные пустыни и обширные снежные пространства, населенные индейцами и белыми охотниками, похожими на его отца. Несколько шалашей, покрытых оленьими шкурами, были для него городом. Почтовая контора казалась ему храмом цивилизации, а торговый агент самим господом богом. Реки и озера существовали только для того, чтобы передвигаться. С этой точки зрения горы приводили его в недоумение; они составляли для него часть необъяснимого, и он перестал размышлять о них. Иногда люди умирали. Но мясо их было несъедобным, и кожа не представляла никакой ценности, может быть, потому, что она не была покрыта мехом. Меховые шкуры очень ценились, и тот, кто имел их много, мог купить все на свете. Животные были созданы для того, чтобы человек мог их поймать и содрать с них шкуру. Для чего были созданы люди, он не знал, возможно, что для нужд торгового агента.

С возрастом представления его об окружающих предметах менялись, но процесс этот сопровождался наивными опасениями и изумлением. Только тогда, когда он стал совсем взрослым и побывал уже в доброй половине городов Америки, из его глаз исчезло выражение детского недоумения, и они стали острыми и пытливыми. Еще мальчиком, впервые попав в город, он внес некоторые поправки в свой взгляд на вещи, но все еще был склонен к обобщению. Жители городов были изнеженными. В их головах не было стрелок компаса, и они легко сбивались с дороги. Вот почему они предпочитали жить в городах. Боясь простуды и темноты, они спали под крышей и запирали на ночь двери своих домов. Городские женщины были симпатичны и красивы, но они недалеко ушли бы за день по глубокому снегу. Все говорили слиш-

ком много... Вот почему они часто лгали и не могли много работать. В довершение всего в городах существовала новая могучая сила, которая называлась обманом. Тот, кто обманывает, должен быть абсолютно уверен в успехе либо должен уметь отвечать за последствия. Обман – это отличная штука, если ею умело пользоваться.

Впоследствии, проводя большую часть жизни среди гор и лесов, он пришел к заключению, что в городе не все плохо, что там тоже можно жить и продолжать оставаться человеком. Привыкнув бороться с силами природы, он заинтересовался борьбой социальных сил на поприще коммерции. Владыки рынка и биржи прельщали его своим блеском, но не ослепляли, и он изучал их, стремясь узнать тайну их могущества. А позднее, в знак того, что и из Назарета может кое-что выйти хорошее, он, в расцвете сил, женился на девушке, выросшей в городе. Но стремление к далеким странам все еще не покидало его, и голос крови побудил его уйти из города и поселиться на берегу реки Дайэ, где на опушке леса в большом бревенчатом доме он основал факторию. И здесь, в зрелые годы, он научился правильно смотреть на вещи и обобщать социальные явления так же, как раньше он обобщал явления природы... И в тех и в других было много общего. И те и другие подчинялись одинаковым законам; в них содержались одни и те же истины. Борьба – вот в чем заключалась тайна мироздания. Борьба – это закон и путь к прогрессу. Мир был создан для сильных, и только сильные владели миром. Все было проникнуто вечной справедливостью. Быть честным – значило быть сильным. Грех вел к слабостям. Обмануть честного человека считалось мошенничеством. Обмануть обманщика значило восстановить справедливость. Первобытная сила была в руках; современная сила – в голове. И хотя поле деятельности переместилось, борьба была все той же, что и прежде, когда люди боролись за власть над миром и за те наслаждения, которые эта власть приносила. Меч уступил место гроссбуху; закованный в броню рыцарь – одетому в изящный костюм промышленному магнату, а центр имперской политической власти был перенесен на биржу. Современная сила воли уничтожила грубые животные инстинкты. Упрямая земля поддавалась только силе. Мозг значил больше, чем тело. Человек, обладающий умом, мог скорее поработить первобытные силы.

У него не было образования, вернее, того, что считается образованием. К тем двум или трем основным жизненным принципам, которые внушила ему мать при свете костра или свечи, он прибавил немного разношерстных знаний, почерпнутых из книг; но эта ноша не обременила его. Жизненные явления были ему ясны и понятны, потому что природа наградила его здравым смыслом и проницательностью.

В один прекрасный день Джекоб Уэлз оставил позади себя Чилкут и исчез в бесконечной пустыне. Год спустя он появился в русских миссиях у самого впадения Юкона в Берингово море. Он проехал три тысячи миль вниз по реке, много видел и грезил о великом. Но он держал язык за зубами и молча принялся за работу. И вот однажды пронзительный пароходный гудок приветствовал полунощное солнце у топких берегов Форт-Юкона. Это было изумительное достижение. А как он добился этого, мог рассказать только он сам. И хотя вся эта затея казалась невозможной, он приводил откуда-то все новые и новые пароходы и создавал одно предприятие за другим. Построенные им фактории и склады товаров встречались по реке и ее притокам на тысячи миль вокруг. Он силой вложил топор белого человека в руку туземца; и в каждом поселке и даже между ними четырехфутовые штабеля дров ждали его пароходов. На одном из островов Берингова моря, там, где река впадает в океан, он устроил большой распределительный пункт. В северной части Тихого океана плавали его огромные океанские пароходы. А в его конторах в Сиэтле и Сан-Франциско десятки клерков поддерживали порядок и систему в торговых делах.

В страну хлынул людской поток. До этого времени голод выгонял оттуда людей, но теперь там был Джекоб Уэлз и его продовольственные склады. И люди зимовали там и копали мерзлую землю, ища золото. Он ободрял их, снабжал припасами, получая за это долю в их участках,

и вносил в списки компании. Его пароходы перевозили людей вверх по Кьюкуку за Северный полярный круг. Как только где-нибудь появлялась возможность заработать деньги, он немедленно устраивал там товарные склады. И следом вырастал город. Джекоб Уэлз вел изыскания, спекулировал, расширял свое дело. Не знающий усталости, упрямый, со стальным блеском в темных глазах, он был вездесущ. У истоков только что открытой реки он был первым, и в устье ее он тоже был первым, торопясь доставить туда продовольствие. За пределами этой страны во внешнем мире он устраивал всевозможные торговые комбинации, объединялся с корпорациями всего света и принуждал большие транспортные компании брать с него особый, льготный тариф. Здесь же он торговал мукой, шерстяными одеялами и табаком, строил лесопильные заводы, намечал местоположение городов, искал медь, железо и уголь. Для того чтобы снабдить своих старателей всем необходимым, он рыскал по Арктике вплоть до Сибири, в поисках зимней одежды, сделанной туземцами.

Уэлз вез на себе всю страну, следил за ее нуждами, делал ее работу. Каждая унция золотого песка, каждое открытое письмо, каждый аккредитив проходили через его руки. Он был ее банкиром и биржевым маклером. Он привозил и распределял почту. Его раздражали конкуренты, а хищников он безжалостно преследовал. Он угрожал пытающимся вступить с ним в борьбу синдикатам и, если они не сдавались, разорял их. И при всем том он находил время и возможность заботиться о своей дочери, которая росла без матери, находил время высказывать ей свою любовь и готовить к тому положению, которое он ей создал.

Глава VI

– Я думаю, капитан, вы согласитесь, что мы должны обратить особое внимание на серьезность создавшегося положения. – Джекоб Уэлз помог своему гостю надеть меховую шубу и продолжал: – Не потому, что оно недостаточно серьезно, но для того, чтобы оно не стало еще серьезнее. И вы и я уже пережили голод. Мы должны напугать их, и сделать это теперь же, пока еще не поздно. Если пять тысяч человек покинут Доусон, то остальным с избытком хватит припасов. Пусть только эти пять тысяч разнесут весть о голоде до Дайи и Скагуэя. Тогда еще пять тысяч не явятся к нам сюда.

– Совершенно правильно! И вы можете рассчитывать на полную поддержку полиции. – Собеседник Уэлза, седой человек крепкого сложения, с энергичным лицом и манерами военного, поднял воротник шубы и взялся за ручку двери. – Благодаря вам я уже обратил внимание на то, что последние явившиеся сюда путешественники начинают распродавать свое снаряжение и покупать собак. Вы представляете, какая будет гонка по льду, как только река станет! И каждый, кто продаст тысячу фунтов съестных припасов и уйдет, уменьшит требования одного пустого желудка и наполнит другой из числа оставшихся здесь. Когда отправляется «Лора»?

– Сегодня утром, с тремя сотнями пассажиров, не имеющих продовольствия. Я бы хотел, чтобы их было три тысячи!

– Аминь! Между прочим, когда приедет ваша дочь?

– Я жду ее со дня на день. – Глаза Джекоба Уэлза потеплели. – Приходите к обеду, когда она приедет, и приведите из казарм двух-трех молодых офицеров. Я не знаю их всех по имени, но вы можете передать им приглашение от меня лично. Я не часто бываю в обществе, мне некогда, но мне хочется, чтобы моя дочь весело проводила время. Ведь она долго жила в Лондоне и в Штатах, и здесь ей может показаться скучно. Вы согласны со мной?

Джекоб Уэлз закрыл за посетителями дверь, подвинул свое кресло к камину и поставил ноги на решетку. На мгновение в мерцающем свете камина перед ним встал образ молодой девушки, вызвавший воспоминание о красивой женщине англосаксонского типа.

Дверь открылась.

– Мистер Уэлз, мистер Фостер послал меня справиться, выдавать ли ему продовольствие по ордерным чекам?

– Конечно, мистер Смит. Но только вдвое меньше. Если у кого-нибудь имеется на руках чек на тысячу фунтов, выдавайте ему только пятьсот.

Он закурил сигару и снова откинулся на спинку кресла.

– Вас желает видеть капитан Макгрегор, сэр.

– Просите!

Капитан Макгрегор вошел и остановился возле кресла своего хозяина. Тяжелая рука Нового Света с детства легла на плечи шотландца. Но глубокая искренность, сквозившая в каждой черте его изборожденного горькими морщинами лица, и выступающий вперед подбородок говорили о том, что честность – лучшая политика по крайней мере для того, кто имел дело с обладателем этого подбородка. Это подтверждалось его кривым, сломанным носом и длинным шрамом, который тянулся через весь лоб и скрывался в седых волосах.

– Мы снимаемся с якоря через час, сэр. Я пришел за последними распоряжениями.

– Хорошо. – Джекоб Уэлз повернулся к нему. – Капитан Макгрегор!

– Да! Я слушаю вас.

– На эту зиму я имел в виду для вас другую работу. Но я передумал и назначил вас на «Лору». Вы догадываетесь почему?

Капитан Макгрегор переступил с ноги на ногу, и лукавая усмешка сверкнула в его глазах.

– Предвидите затруднения, – проворчал он.

– Я не мог найти более подходящего человека, чем вы. Перед тем как отправиться, вы получите точные указания от мистера Белли. Я вам скажу только одно: если мы не сможем спугнуть отсюда достаточное количество людей, Форт-Юкон будет нуждаться в каждом фунте съестных припасов. Вы меня понимаете?

– Да.

– Не будьте расточительным. Вы везете с собой триста человек. Есть основания предполагать, что еще вдвое больше людей подойдет к вам по льду, как только станет река. Этой зимой вам придется кормить тысячу человек. Дайте им пайки, рабочие пайки, и следите за тем, чтобы они действительно работали. Пусть они заготавливают дрова, по шесть долларов за штабель, и складывают их на берегу в таком месте, где могут причаливать пароходы. Кто не будет работать, тот не должен получать пайка. Вы меня понимаете?

– Да.

– Тысяча человек могут натворить большие безобразия, если они будут бездельничать. Мало ли что может быть! Наблюдайте за тем, чтобы они не грабили ям с продовольствием. Если они это сделают, исполняйте ваш долг.

Капитан мрачно кивнул. Его руки невольно сжались, а шрам на лбу побледнел.

– Там, во льдах, стоит пять пароходов. Сохраните их в целости, когда весной тронется лед. И прежде всего снимите с них весь груз и сложите его в одну большую яму. Вам легче будет ее защищать; вы можете сделать ее вовсе неприступной. Отправьте человека в Форт-Бэрр и попросите мистера Картера прислать вам трех своих служащих. Он обойдется и без них. В Сёркле нет никаких важных дел. По дороге возьмите на борт половину служащих мистера Бердвелла. Они вам понадобятся. Среди них много хороших стрелков. Будьте непреклонны и бдительны. Помните, что тот, кто стреляет первым, чаще всего остается в выигрыше. И не спускайте глаз с продовольствия.

– А заодно и с чужих револьверов, – пробурчал капитан Макгрегор, закрывая за собой дверь.

– Джон Мелтон, мистер Мелтон, сэр. Вы можете принять его?

– Слушайте, Уэлз, что это значит?

Разгневанный Джон Мелтон вошел вслед за клерком и чуть не сбил его с ног, тыча какую-то бумагу прямо в лицо председателю компании.

– Прочтите же! Что здесь написано?

Джекоб Уэлз, взглянув, хладнокровно ответил:

– Тысяча фунтов продовольствия.

– То же самое и я говорю, но кладовщик отрицает это. Он утверждает, что мне следует получить только пятьсот фунтов.

– Совершенно верно.

– Но...

– Документ выдан на тысячу фунтов, но на складе вы получите только пятьсот.

– Это ваша подпись? – И Мелтон потряс документом перед самым носом собеседника.

– Моя.

– Так как же вы намерены поступить?

– Дать вам пятьсот фунтов. А как вы намерены поступить?

– Откажусь их взять.

– Отлично. Больше нам не о чем говорить.

– Напротив. Я намерен покончить все дела с вами. Я достаточно богат, чтобы самостоятельно доставлять свои грузы через ущелья, и я сделаю это в будущем году. Наши деловые отношения с этого момента покончены раз и навсегда.

– Я не возражаю. Вы вложили в мое дело на триста тысяч долларов золотого песка. Идите к мистеру Этчелеру и попросите выдать вам их немедленно.

Мелтон шагал взад и вперед в бессильной ярости.

– Неужели я не могу получить остальные пятьсот фунтов? Великий боже! Я ведь заплатил за них! Уж не собираетесь ли вы уморить меня голодом?

– Послушайте, Мелтон! – Джекоб Уэлз остановился и стряхнул пепел с сигары. – Чего вы в данный момент добиваетесь? Что вы хотите получить?

– Тысячу фунтов продовольствия.

– Для собственного потребления?

Король Бонанцы кивнул головой.

– Я так и думал. – Морщины на лбу Джекоба Уэлза выступили резче. – Вы заботитесь только о собственном желудке. А я забочусь о желудках двадцати тысяч людей.

– Но вы же выдали вчера Тиму Макреди тысячу фунтов.

– Сократить выдачи было решено только сегодня.

– Почему же мне первому пришлось пострадать?

– А почему вы не пришли вчера, а Тим Макреди сегодня?

Лицо Мелтона выразило полное недоумение, и Джекоб Уэлз пожатием плеч сам ответил на свой вопрос.

– Вот как обстоят дела, Мелтон. Никаких исключений. Если вы считаете меня ответственным за Тима Макреди, то я буду считать вас ответственным за то, что вы не пришли вчера. Но пусть уже за все это отвечает провидение. Вы уже испытали голод на Сороковой Миле. Вы принадлежите к белой расе. То, что вы владеете Бонанцей или ее частью, не дает вам права ни на один фунт больше, чем получит старейший и беднейший из местных старожил или только что родившийся ребенок. Верьте мне. До тех пор, пока у меня будет хоть фунт продовольствия, вы не умрете с голоду. Будьте тверды. Пожмите мне руку, улыбнитесь и постарайтесь примириться с обстоятельствами.

Все еще сердясь, но уже начиная приходить в себя, король пожал руку Уэлзу и выбежал вон. Не успела за ним закрыться дверь, как в комнату неуклюжей походкой вошел неряшливый янки. Ногой, обутой в мокасин, он подвинул к себе стул и уселся.

– Слушайте, – начал он таинственно, – люди, как мне кажется, начинают волноваться по поводу ограничения выдачи продовольствия.

– Алло, Дэйв. Это вы?

– Предположим, что это так. Вот я и говорю, будет дикое бегство отсюда, как только станет река.

– Вы так думаете?

– Угу!

– Я очень рад это слышать. Это именно то, что здесь нужно. И вы двинетесь со всеми?

– Ни за что в жизни, – Дэйв Харни запрокинул голову с видом полного самодовольства. – Вчера я отправил мою кладь на прииск. Думаю, что сделал это как раз вовремя. Но послушайте!.. У меня с сахаром вышло неладно. Он лежал на последних санях, и как раз в том месте, где дорога сворачивает от Клондайка на Бонанцу, сани провалились под лед! Больше я их не видел... Подумайте, последние сани, и на них весь мой сахар! Вот я и надумал зайти к вам сегодня и взять у вас фунтов сто. Белый или коричневый, мне безразлично.

Джекоб Уэлз покачал головой и улыбнулся, но Харни придвинул свой стул ближе.

– Ваш клерк сказал, что он ничего не знает. Не имело никакого смысла приставать к нему, и я сказал, что зайду к вам. Мне все равно, какой сахар вы дадите, дайте только сто фунтов, и я буду доволен.

Слушайте, – продолжал он, видя, что его собеседник отрицательно покачал головой. – Ведь вы знаете, что я – большой сластена. Помните леденцы, которые я стряпал на Причер-Крик? Подумайте только, как бежит время! Ведь это было шесть лет назад! Даже больше, пожалуй. Семь, будь я проклят! Так вот, я говорю, пусть лучше я останусь без жевательного

табака, чем без сахара. Так как же будет? Я здесь с собаками. Не пойти ли нам на склад? Хорошая мысль!

Тут он ясно увидел, что с губ Джекоба Уэлза готово сорваться «нет», и поспешил заговорить, прежде чем тот успел что-либо произнести.

– Разумеется, я не хочу забрать себе все. Ни за что на свете не сделаю этого! Так что, если у вас мало сахара, я могу удовлетвориться и семьюдесятью пятью фунтами, – он пристально взглянул в лицо своего собеседника, – даже, пожалуй, достаточно будет и пятидесяти. Я вхожу в ваше положение, и я не такая низкая тварь, чтобы приставать...

– Какой смысл сыпать словами, Дэйв? Мы не можем дать вам ни одного фунта сахара.

– Ну, хорошо, ведь я и не хочу обирать других. А кроме того, принимая во внимание, что я имею дело с вами, Уэлз, я обойдусь и двадцатью пятью.

– Ни одной унции!

– Как? Совсем ни кусочка? Ну, ну, не сердитесь. Мы забудем, что я вас о чем-то просил, и я заверну к вам как-нибудь в другой раз. До свиданья! Ну и ну! – Он повернулся, склонил голову набок и, казалось, весь превратился в слух. – Ведь это свисток «Лоры». Она скоро отходит. Вы пойдете посмотреть, как она отчаливает? Пойдемте вместе.

Джекоб Уэлз надел медвежью шубу и рукавицы, и они прошли через контору на главный склад. Он был так обширен, что двести покупателей, стоявших у прилавков, были почти незаметны. У многих были серьезные лица, и кое-кто даже мрачно смотрел на председателя компании, когда он проходил мимо. Приказчики продавали все, что угодно, за исключением продовольствия, а именно на него и был спрос. «Припрятали на худой конец, чтобы вздуть цены», – брюзжал старатель с рыжей бородой. Джекоб Уэлз слышал его слова, но не обратил на них никакого внимания. Он знал, что, пока не уляжется паника, он еще не раз услышит более неприятные вещи.

Выйдя на боковую дорожку, он остановился, чтобы бегло просмотреть объявления, которые обычно вывешивались на стене здания. В них говорилось о пропаже, находке и продаже собак, но большую часть составляли объявления о продаже походного снаряжения. Наиболее робкие были уже напуганы. Снаряжение в пятьсот фунтов весом предлагалось по цене в один доллар за фунт, если в него не входила мука, снаряжение с мукой расценивалось по полтора доллара за фунт. Джекоб Уэлз увидел, что Мелтон беседует с вновь прибывшим человеком, лицо которого было весьма озабочено. Довольная усмешка короля Бонанцы свидетельствовала о том, что ему все-таки удалось пополнить запас продовольствия на зиму.

– Дэйв, почему бы вам не поискать сахара таким путем? – спросил Джекоб Уэлз, указывая на объявления.

Дэйв Харни с упреком посмотрел на него.

– Напрасно вы думаете, что я не искал. Я вконец загнал своих собак, объехав всю округу от Клондайка до Госпиталя. И нигде ничего не нашел ни за деньги, ни даром.

Они спустились по дорожке мимо дверей склада. Ряды саней стояли вдоль его стены, и заждавшиеся собаки, по-волчьи свернувшись клубком, лежали на снегу. Это был первый настоящий снегопад за всю осень. Наконец-то старатели дождались возможности начать перевозку клади.

– Забавно, не правда ли? – еще раз закинул удочку Дэйв, когда они проходили по главной улице, ведущей на берег реки. – Очень забавно, что я – владелец двух Эльдорадо в пятьсот с лишним футов каждый, человек, стоящий пять миллионов, как одна копейка, не имею чем подсластить себе кофе или кашу! Провались она к чертям, эта страна, пропади она пропадом! Я продам свои заявки! Я брошу все! Я... я... я уеду в Штаты!

– О нет, вы этого не сделаете, – ответил Джекоб Уэлз. – Я и раньше от вас это слышал. Если память мне не изменяет, вы целый год питались исключительно мясом, когда торчали в верховьях реки Стюарт. И вы ели внутренности лососей и собак в верховьях реки Тананы,

не говоря уже о том, что два раза вам пришлось пережить голод. И все-таки вы не уехали отсюда. И вы никогда не уедете. Вы здесь умрете, и это так же верно, как то, что сейчас «Лора» снимается с якоря. Я спокойно ожидаю того дня, когда увезу вас отсюда в свинцовом гробу и обременю Сан-Франциско заботами о ликвидации вашего имущества. Вы здесь увязли, и вы сами это знаете.

Разговаривая, он все время отвечал на приветствия встречаемых. В основном это были старожилы, и он знал каждого из них по имени. Но не было также почти ни одного новичка, которому не было бы знакомо его лицо.

– Я готов побиться об заклад, что в 1900 году я буду в Париже, – слабо протестовал король Эльдорадо.

Но Джекоб Уэлз не слышал его. Раздались резкие звуки гонга, которыми Макгрегор приветствовал его, стоя на капитанском мостике, и «Лора» медленно отошла от берега. Провожающие огласили воздух пожеланиями счастливого пути и последними напутствиями, но триста неудачников, оставлявших на берегу свои золотые мечты, были безнадежно угрюмы и ни на что не отвечали. «Лора» миновала канал, проделанный в прибрежной полосе льда. Потом течение реки подхватило ее, и, дав последний свисток, она пошла на всех парах.

Толпа разошлась. Джекоб Уэлз остался стоять, окруженный группой человек в двадцать. Разговор шел о голоде, и это был разговор мужчин. Даже Дэйв Харни перестал проклинать страну, где нельзя достать сахара, и весело издевался над новичками – *чечак*, как он называл их, позаимствовав это слово из языка сивашей. Внезапно его зоркие глаза различили черную точку, двигавшуюся по реке, среди похожего на кашу льда.

– Взгляните-ка! – закричал он. – Сюда плывет каноэ!

Искусно лавируя, то гребя, то отталкиваясь от плывущих льдин, двое людей, сидевших в лодке, старались пробраться к кромке льда, чтобы найти в ней проход. Попав в канал, проделанный пароходом, они налегли на весла и стрелой понеслись по спокойной глубокой воде. Ожидавшие встретили их с распростертыми объятиями, помогли им взобраться на берег и втащить туда их скорлупку. На дне ее лежали две кожаные почтовые сумки, пара одеял, кофейник, сковорода и маленький мешок со съестными припасами. Что же касается людей, то они так замерзли, что с трудом держались на ногах. Дэйв Харни предложил угостить их виски и хотел немедленно увести их. Но один из них задержался, чтобы застывшей рукой пожать руку Джекобу Уэлзу.

– Ваша дочь близко, – сообщил он. – Мы обогнали ее лодку час тому назад. Каждую минуту она может показаться из-за поворота. У меня для вас есть депеши, но я принесу их немного погодя. Сначала я должен чего-нибудь выпить. – Повернувшись, чтобы идти с Харни, он вдруг остановился и указал на реку: – А вот и она. Только что показалась из-за утеса.

– Ну, бегите, ребята, и пейте виски, – напомнил им Харни. – Скажите, чтобы записали на мой счет двойную порцию, и извините, что я не иду вместе с вами. Я останусь здесь.

Густая ледяная каша, среди которой виднелись небольшие льдины, стремительно неслась по Клондайку, отбрасывая лодку на середину Юкона. С берега было ясно видно, как люди борются со стихией – четыре человека, стоя, усердно работали баграми, пробираясь между скрежещущими льдинами. На борту была установлена юконская печка, и из ее трубы вился голубоватый дымок. Когда лодка приблизилась, все разглядели на ней фигуру женщины, орудовавшей на корме длинным рулевым веслом. Глаза Джекоба Уэлза сверкнули. Это было первое предзнаменование, и притом хорошее, подумал он. Она осталась дочерью Уэлза, не боящейся труда и борьбы. Годы, проведенные ею в цивилизованных странах, не сделали ее слабой. Она вкусила земных плодов, но не чуждалась и самой земли. Она с радостью возвращалась к ней.

Так размышлял он, глядя, как приближается обледенелая лодка. Единственный в ней белый мужчина взял в руки фалинь и выскочил на кромку льда, чтобы замедлить ход и напра-

вить лодку в канал. Но береговой лед, образовавшийся только накануне вечером, провалился под его тяжестью. Человек упал в воду. Под напором большой льдины нос лодки круто повернулся, так что упавший выплыл за кормой. Женщина быстро нагнулась и схватила его рукой за воротник. В то же мгновение раздался громкий и властный голос, приказавший табанить сидевшим на веслах индейцам. Продолжая держать над водой голову мужчины, она всем телом оперлась на рулевое весло и кормой вперед провела лодку в канал. Еще несколько взмахов весла – и лодка была у берега. Она передала щелкающего зубами человека Дэйву Харни. Тот вытащил его из воды и немедленно погнал вслед за теми, кто привез почту.

Фрона поднялась. Щеки ее горели от быстрых движений. Джекоб Уэлз стоял, охваченный нерешительностью. Она была в двух шагах от него, но между ними лежала бездна в три года разлуки. Теперь ей двадцать лет, а было семнадцать, когда они расстались. И он совсем не ожидал, что разница между прежней и настоящей Фроной будет так велика. Он не знал, заключить ли это сияющее юное создание в свои могучие объятия или просто взять ее за руку и помочь сойти на берег. Его колебание прошло незамеченным. Она сама быстро скользнула к нему и обняла его. Стоявшие наверху все, как один, отвернулись, пока они оба, держась за руки, поднимались вверх.

– Джентльмены, моя дочь! – На его лице была написана величайшая гордость.

Фрона посмотрела на всех окружающих с дружелюбной улыбкой, и каждому почудилось, что ее глаза глянули именно на него.

Глава VII

Было совершенно понятно, что Вэнсу Корлиссу хотелось опять увидеть ту девушку, с которой он поделился своими одеялами. Правда, он не догадался привезти с собой на Аляску фотографический аппарат, но тем не менее в результате какого-то сложного процесса ее образ запечатлелся в его памяти. Это произошло моментально. Волна света и красок, молекулярная вибрация и интеграция, еле заметное, но тем не менее вполне определенное сокращение некоторых мозговых извилин – и изображение было готово! Ее стройная фигура в сиянии солнечных лучей резко выделялась на фоне крутой черной скалы. Прекрасная, как утренняя заря, улыбка сверкала в ореоле пламенеющего золота.

Он вспоминал ее именно такой, и чем чаще это случалось, тем сильнее хотелось ему снова увидеть Фрону Уэлз. Это событие, которое он предвкушал с радостным волнением и трепетом восторга, часто бывает в жизни человека. Фрона представляла собой новый, неизвестный ему дотопе тип женщин, с которыми ему приходилось встречаться раньше. Из пленительной неизвестности ему улыбалась пара карих глаз, и руки, нежные, но сильные, манили его. Во всем этом был соблазн, равный соблазну греха.

Не следует думать, что Вэнс Корлисс был глупее других или что он вел жизнь отшельника. Дело в том, что воспитание придало его образу жизни несколько пуританский характер. Пробуждающийся интеллект и жажда знаний ослабили влияние, которое имела на него в детстве суровая мать, но все же не смогли уничтожить его полностью. Оно было глубоко запрято в нем, чуть заметно, но все-таки неотделимо от его существа. Избавиться от него окончательно он не мог. Незаметно оно извращало его взгляд на жизненные явления. Его представления возникали под неправильным углом зрения и особенно часто тогда, когда вопрос касался женщин. Он гордился широтой своих взглядов, потому что допускал существование трех категорий женщин, тогда как мать его допускала только две. Но он перерос свою мать. Было неоспоримо, что существуют три категории: хорошие женщины, плохие и наполовину хорошие, наполовину плохие. Что последние в конце концов становятся плохими, он верил твердо. По самому своему существу такое положение не могло продолжаться долго. Это была промежуточная стадия, переход от возвышенного к низменному, от лучшего к худшему.

Все это могло бы быть справедливым даже с его точки зрения, но ограниченность всегда приводит к догматизму. Что было *хорошо* и что *плохо*? В этом-то и заключался вопрос. Об этом шептала ему, умирая, мать. И не только она, но многие поколения скованных условностями предков, вплоть до того из них, кто первый стал смотреть на окружающих свысока. И хотя Вэнс Корлисс не подозревал об этом, но голос предков звал его к прошлому, даже если это угрожало ему гибелью.

Он не приклеил ярлык на Фрону, согласно унаследованным им взглядам. Он вообще отказался классифицировать ее, не осмеливался сделать это. Он предпочитал вынести суждение о ней позже, когда у него будет больше данных. В этом был свой соблазн; тот критический момент, когда чистый человек мечтательно простирает руки к грязи и отказывается назвать ее грязью, пока сам не запачкается. Нет, Вэнс Корлисс не был трусом! А так как чистота есть понятие относительное, то он не был чист. То, что у него под ногтями не было грязи, происходило не оттого, что он прилежно занимался маникюром, а оттого, что он не сталкивался с грязью. Он был хорошим не потому, что желал этого, не потому, что его отталкивало зло, просто у него не было случая стать дурным. Но, с другой стороны, из сказанного не следует, что он непременно стал бы нечестным человеком при первом удобном случае.

Вэнс до некоторой степени был тепличным растением. Вся жизнь он прожил в идеально чистом доме, со всеми удобствами. Воздух, которым он дышал, был в большинстве случаев искусственно выработанным озоном. Он принимал солнечные ванны, когда светило солнце, а

если шел дождь, его прятали в закрытое помещение. И когда он вырос и получил возможность выбирать, он оказался слишком занятым, чтобы сойти с того прямого пути, по которому мать учила его ползать и ковылять и по которому он теперь продолжал идти прямо, не задумываясь над тем, что лежит вокруг.

Жизненная сила не может быть использована дважды. Если она израсходована на что-нибудь одно, то ее не хватит на другое. Так обстояло дело с Вэнсом Корлиссом. Ночные занятия в школе и физические упражнения потребовали всей энергии, которую его нормальный организм извлекал из обильной пищи. Если он чувствовал в себе несколько больший прилив энергии, то он расходовал ее в обществе своей матери и тех жеманных, связанных условностями людей, которые собирались у нее на чашку чая. В результате всего этого из него получился очень милый молодой человек, заслуживающий одобрения со стороны матерей молодых девушек; очень здоровый молодой человек, силы которого сохранились благодаря воздержанной жизни; очень образованный молодой человек, имевший диплом горного инженера и диплом бакалавра искусств; и наконец, очень эгоцентричный и хладнокровный молодой человек.

Самым большим его достоинством было то, что он все-таки не застыл в той форме, которая была свойственна его среде и в которой его удерживали руки матери. В нем говорил какой-то атавизм, голос того, кто первым стал смотреть свысока на других. До последнего времени эта сторона его наследственности ни в чем не проявлялась. Он просто приспособился к окружающему, и ничто не вызывало к жизни эту его способность. Но стоило ему услышать призыв к этому его свойству, как он по существу своему непременно должен был бы тотчас откликнуться на этот зов. Очень возможно, что принцип катящегося камня совершенно правилен. Но тем не менее самое большое достоинство в жизни – это способность менять направление. И хотя Вэнс Корлисс о том и не подозревал, это и было его крупнейшим достоинством.

Но вернемся назад. Предвкушая большую радость, ждал он новой встречи с Фроной Уэлз, а куда частенько видел ее такой, какой она запечатлелась в его памяти. Хотя он направился через Ущелье и плыл по рекам и озерам, располагая большими суммами (лондонские синдикаты никогда не бывают мелочными в таких делах), Фрона все же достигла Доусона на две недели раньше его. Он преодолевал препятствия только благодаря деньгам, а она пользовалась еще более могущественным талисманом – именем Уэлз. По прибытии в Доусон он потерял недели две на подыскание жилья, посещение тех, к кому у него имелись рекомендательные письма, и на устройство своей жизни. Но чему суждено сбыться, того не миновать, и поэтому в один прекрасный вечер, когда река уже стала, он направил свои стопы к дому Джекоба Уэлза. Жена приискового комиссара, миссис Шовилл, сопровождала его.

Корлиссу показалось, что он видит сон. Паровое отопление в Клондайке! Но холл остался позади, и через двери, завешенные тяжелыми портьерами, Вэнс вступил в гостиную. Это была настоящая гостиная. Его мокасины из лосиного меха утопали в роскошном пушистом ковре, а на противоположной стене ему бросился в глаза солнечный восход кисти Тернера. В комнате было еще много картин и бронзы. В двух голландских каминах пылали огромные еловые поленья. Был там и рояль, и кто-то пел. Фрона вскочила с табуретки и пошла к нему навстречу, протягивая обе руки. До сих пор ему казалось, что его воображаемая солнечная фотография – верх совершенства. Но теперь при свете огня это юное создание, полное тепла и жизни, затмило бледную копию. Взяв ее руки в свои, он почувствовал, что у него закружилась голова. Это было одно из тех мгновений, когда какое-то непостижимое, властное ощущение волнует кровь и завлакивает мозг туманом. Первые слова смутно доходили до его сознания, но голос миссис Шовилл привел его в себя.

– О! – воскликнула она. – Вы уже знакомы?

И Фрона ответила:

– Да, мы встретились на дороге от Дайи. А люди, которым довелось там встретиться, никогда не забывают друг друга.

– Как романтично!

Миссис Шовилл захлопала в ладоши. Несмотря на то, что она была толстой флегматичной женщиной под сорок лет, вся ее жизнь, когда она бодрствовала, проходила в восклицаниях и рукоплесканиях. Ее супруг под большим секретом уверял, что, если бы она встретила лицом к лицу с господом богом, она непременно всплеснула бы своими пухлыми руками и закричала: «Как романтично!»

– Как это произошло? – продолжала она. – Не спас ли он вас в горах или что-нибудь в этом роде? Пожалуйста, скажите, что так оно и было! И вы никогда об этом не говорили, мистер Корлисс! Пожалуйста, расскажите! Я умираю от любопытства!

– О, ничего особенного, – поспешил он ответить. – Ничего романтичного. Я, то есть мы...

Он почувствовал, что у него упало сердце, когда Фрона перебила его. Невозможно было предвидеть, что скажет эта удивительная девушка.

– Он оказал мне гостеприимство, вот и все, – сказала она. – Я могу похвалить его жареный картофель, а что до его кофе, то он превосходен для того, кто умирает от голода.

– Неблагодарная! – отважился он произнести, получив в награду улыбку. Затем Корлисса познакомили с молодым стройным лейтенантом горной полиции, который стоял у камина и обсуждал вопрос о продовольственном кризисе с живым, небольшого роста человеком в крахмальной сорочке с очень высоким, тугим воротничком.

Благодаря тому, что Корлисс по рождению принадлежал к известному общественному кругу, он непринужденно переходил от одной группы к другой, в чем ему завидовал Дэл Бишоп. Точно проглотив аршин, Бишоп сидел на первом попавшемся стуле и терпеливо дожидался, чтобы кто-нибудь из гостей простился и ушел. Он хотел посмотреть, как это делается. Мысленно он уже представлял себе эту сложную процедуру, он даже знал, сколько шагов нужно сделать до двери, и был совершенно уверен в том, что необходимо проститься с Фроной. Но он не знал, должен ли он пожать руку каждому из присутствующих. Он заглянул сюда на минутку, чтобы повидать Фрону, сказать ей «Как вы поживаете?», и неожиданно попал в большое общество.

Корлисс, только что кончивший болтать с некоей мисс Мортимер о декадентстве французских символистов, наткнулся на Бишоп. Старатель немедленно узнал его, хотя видел только раз, да и то мельком, у его палатки в Счастливом Лагере. Дэл немедленно сообщил Корлиссе, что он очень обязан ему за гостеприимство, оказанное мисс Фроне, в виду того, что он сам был задержан в пути; что всякая любезность в отношении мисс Фроны является любезностью и в отношении его и что он, Дэл, никогда в жизни этого не забудет, пока у него найдется хоть кусок одеяла, чтобы прикрыть им мистера Корлисса. Он надеется, что Корлисса это не очень стеснило. Мисс Фрона говорила, что постельных принадлежностей было очень мало, но ночь была ведь не слишком холодная (скорее бурная, чем морозная), поэтому он надеется, что Корлисс не слишком продрог. Весь этот монолог показался Корлиссе довольно неуместным, и он отошел от Дэла при первой возможности, предоставив тому изнывать от тоски.

Но Дэйв Харни попал сюда отнюдь не случайно. Он и не думал прилипнуть к первому же стулу. Будучи королем Эльдорадо, он считал нужным занимать в обществе то положение, на которое ему давали право его миллионы. И хотя он не знал иных удовольствий, кроме болтовни с бесшабашными собутыльниками в трактире или на пороге хижины, тем не менее он был вполне удовлетворен своими рыцарскими успехами в светских гостиных. Быстрый на реплики, он переходил от одного гостя к другому и с апломбом, подчеркнутым его удивительным костюмом и манерой волочить ноги, обменивался отрывистыми, бессвязными фразами со всеми, кто попадался ему. Мисс Мортимер, говорившая по-французски, как парижанка, поставила его в тупик своими символистами. Но он расквитался с ней хорошей дозой жаргона канадских воя-

жеров и поверг ее в величайшее недоумение предложением продать ему двадцать пять фунтов сахара, безразлично, белого или коричневого. Впрочем, не она одна удостоилась его откровенности. С кем бы он ни болтал, он ловко переводил разговор на продовольствие и затем переходил к своему неизбежному предложению. «Сахар, чтоб мне лопнуть», – весело говорил он в заключение и направлялся к следующей жертве. В конце концов он умолил Фрону спеть вместе с ним трогательную песенку «Я покинула для вас мой счастливый дом». Это было, пожалуй, хвачено через край, но Фрона тем не менее попросила его напеть мелодию, чтобы она могла подобрать аккомпанемент. У него был не столь приятный, сколь сильный голос. Дэл Бишоп, внезапно обнаруживший признаки жизни, начал подпевать ему хриплым басом. При этом он настолько осмелел, что решился покинуть свой стул. Когда наконец он вернулся в свою палатку, то пинком ноги разбудил заспанного сожителя, чтобы рассказать ему, как приятно он провел вечер в доме Уэлзов.

Миссис Шовилл хихикала и находила все это неподражаемым, в особенности когда молодой лейтенант горной полиции и несколько его соотечественников громко пропели «Правь, Британия» и «Боже, храни короля», а американцы ответили им, спев «Мою страну» и «Джона Брауна». Верзила Алек Бобьен, золотой король Сёркла, потребовал «Марсельезу», и общество разошлось, распевая на улице «Стражу на Рейне».

– Не приходите в такие вечера, – прошептала Фрона, прощаясь с Корлиссом. – Мы не сказали друг другу и трех слов, а я знаю, что мы с вами будем большими друзьями. Скажите, удалось Дэйву Харни выклянчить у вас сахар?

Они оба рассмеялись, и Корлисс пошел домой при свете северного сияния, стараясь разобраться в своих впечатлениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.